

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ**

Учебное пособие

Волгоград
ВА МВД России
2023

УДК 347.1(075.8)
ББК 67.404.0я73
Г 75

Одобрено
редакционно-издательским советом
Волгоградской академии МВД России

Г 75 Гражданско-правовые механизмы противодействия коррупции : учебное пособие / Н. И. Батурина, Ю. В. Репникова, П. С. Федосеев, П. М. Филиппов ; под общей редакцией Н. И. Батуриной. – Волгоград : ВА МВД России, 2023. – 80 с.

ISBN 978-5-7899-1452-6

Учебное пособие является одним из первых изданий, посвященных мерам гражданско-правового противодействия коррупционным правонарушениям. В нем рассматриваются особенности правового регулирования методов борьбы с коррупцией, содержащихся в Гражданском кодексе Российской Федерации: в общей части, в первой части (вещные права), во второй части (обязательственные правоотношения). Основу издания составляют положения антикоррупционного законодательства, передовые научные разработки по тематике пособия и ценные теоретические и практические выводы авторов, направленные на совершенствование борьбы с коррупционными правонарушениями в частноправовом контексте.

Соответствует образовательным программам федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования по специальностям (направлениям) 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности», 40.05.03 «Судебная экспертиза», 40.03.01 «Юриспруденция» (бакалавриат), 40.03.02 «Обеспечение законности и правопорядка» (бакалавриат).

Издание предназначено курсантам, слушателям и адъюнктам образовательных организаций системы МВД России.

**УДК 347.1(075.8)
ББК 67.404.0я73**

Рецензенты: заместитель начальника кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя кандидат юридических наук, доцент *Р. Н. Морозумов*; начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент *В. И. Фатхи*.

ISBN 978-5-7899-1452-6

© Батурина Н. И., Репникова Ю. В.,
Федосеев П. С., Филиппов П. М., 2023
© Волгоградская академия МВД России, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
§ 1. Гражданско-правовые механизмы противодействия коррупции в общей части гражданского права	7
§ 2. Гражданско-правовые механизмы борьбы с коррупцией в нормах вещного права	29
§ 3. Гражданско-правовые механизмы противодействия коррупции в нормах обязательственного права	52
Рекомендуемая литература	78

Введение

Современное российское государство столкнулось с рядом экономических, политических и военных вызовов, которые поставили под угрозу существование России не только как самостоятельного субъекта международных отношений, но и как этнической общности, многонациональной семьи народов, имеющих общую историю, идущих к общим целям и бережно сохраняющих наследие, переданное предыдущими поколениями, неустанно трудившимися и не жалевшими жизней ради Отечества.

Основой устойчивости и жизнеспособности любого государства является самоотверженный труд на благо страны, готовность прийти на защиту ее рубежей, а также человеческое отношение со стороны власти к своему народу. Вместе с тем серьезной проблемой сегодняшней России стали проявления отчуждения институтов государства от граждан, демонстрация равнодушия, а порой и откровенной черствости чиновников к людям с их повседневными заботами и проблемами.

Превратное представление отдельных государственных служащих о том, что публичная власть не средство поддержания нормального функционирования институтов социального государства, а источник удовлетворения личных амбиций или незаконного обогащения приводит к дискредитации институтов государства, вызывает недоверие к власти, формирует пренебрежительное или враждебное отношение к должностным лицам государственных органов.

Многие исследователи называют коррупцию причиной большинства социальных язв: роста преступности, отсутствия стабильного экономического развития, неэффективной работы политических институтов, отсутствия взаимодействия с гражданским обществом и социальной напряженности. Следует согласиться с тем, что использование власти в целях личного обогащения само по себе преступно, но последствия в виде хищения бюджетных средств, взяточничества, укрывательства противоправных действий, корыстного покровительства правонарушителям и прочих проявлений коррупционного поведения гораздо опаснее в силу своего криминального разнообразия и дискредитирующего воздействия на доверие граждан страны к властным структурам.

С момента своего становления современная Россия сталкивалась с варварскими проявлениями коррупции, и потребовалось множество усилий для разработки эффективных правовых мер, направленных на ее искоренение. Принятый в 2008 г. Федеральный закон «О противодействии коррупции»¹ стал знаменательной вехой в создании правовой основы противодействия этому социальному злу.

Целенаправленное и систематическое планирование государственной антикоррупционной политики, осуществляемое в соответствии с утверждаемыми указами Президента Российской Федерации четырехлетними планами противодействия коррупции, обязало все государственные институты, как обладающие административными полномочиями, так и не имеющие их, но участвующие в экономической деятельности в интересах государственной или муниципальной власти, принимать всеобъемлющие меры по устранению коррупциогенных факторов и коррупционных правонарушений из своей деятельности².

Федеральным законом «О противодействии коррупции» предусмотрен обширный перечень мер, направленных на ее профилактику. Способствовать пресечению коррупционных правонарушений должно правовое воспитание граждан в духе нетерпимости к коррупционному поведению, антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов, установление требований к лицам, претендующим на замещение должностей в системе государственных или муниципальных органов власти или организаций, соблюдение стандартов антикоррупционного поведения государственными служащими, осуществление общественного контроля за деятельностью публичной власти.

Установленные ст. 13 указанного Федерального закона правила о применении уголовной, административной, гражданско-правовой и дисциплинарной ответственности практически полностью лишают правонарушителей возможности уклониться от справедливого наказания за коррупционные деяния.

¹ См.: О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы: указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 34. Ст. 6170.

Вместе с тем антикоррупционная нормативная база не лишена и очевидных недостатков, на которые обращают внимание не только ученые, занимающиеся исследованием теоретических проблем противодействия коррупции, но и правоприменители, отмечающие пробельность и коллизионность антикоррупционного законодательства.

Отдельные юридические дефиниции, входящие в антикоррупционное законодательство, сформулированы неясно, порождают множество смыслов при их официальном или доктринальном толковании. Кроме того, двусмысленность и неопределенность юридических терминов, содержащихся в правовых нормах, сами являются коррупциогенным фактором и должны быть устранены в соответствии с антикоррупционными требованиями, предъявляемыми к юридической технике.

Таким образом, каждое исследование, посвященное отраслевому анализу антикоррупционной нормативной базы, представляет несомненную ценность для современной российской юриспруденции. Настоящее учебное пособие содержит обстоятельный анализ гражданско-правовых мер противодействия коррупции. В качестве цели его написания перед творческим коллективом стояла обусловленная научными и методическими задачами образования в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации потребность формирования у курсантов и слушателей знаний о правовых методах противодействия коррупции, содержащихся в институтах гражданского права.

Последовательность изложения учебного материала обусловлена структурой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и позволяет поэтапно изучать антикоррупционные механизмы, включенные в общую часть ГК РФ, в нормы кодекса о вещных правах и разделы, посвященные обязательственным правоотношениям.

При подготовке издания авторы опирались на труды ученых, исследующих правовое регулирование антикоррупционной деятельности, сохраняя при этом оригинальность и аргументированность собственных выводов, а также проанализировали акты международного права, национальное антикоррупционное законодательство, подзаконные нормативные правовые акты, посвященные борьбе с коррупцией, судебную и иную правоприменительную практику.

§ 1. Гражданско-правовые механизмы противодействия коррупции в общей части гражданского права

Прежде чем начать анализ антикоррупционных мер, содержащихся в нормах общей части ГК РФ, необходимо решить несколько вводных, но крайне важных для понимания сути исследуемой проблемы вопросов. Во-первых, следует попытаться внести ясность в дискуссию о топологии текста ГК РФ, в частности о его разделении на общую и особенную части. Во-вторых, установить смысл термина «коррупция» и определить его социальную и правовую природу, выяснить, можно ли в принципе говорить о мерах противодействия коррупции в контексте частного права.

Структура гражданского законодательства – это исторически детерминированный способ систематизации норм частного права, зависящий от правовой системы и юридических традиций, сложившихся в том или ином государстве. Европейское частное право формировалось в рамках двух основных правовых семей – романо-германской и англосаксонской, обладающих рядом особенностей, не только отражающих исторические традиции генезиса права, но и обуславливающих структуру частноправового законодательства входящих в указанные семьи государств.

Для романо-германского права характерна кодификация законодательства и, как следствие, достаточно четкое деление правовой системы на отрасли. Внутри каждой отрасли явно просматриваются два способа построения логической структуры, ее систематизации, традиционно именуемые пандектным и институционным.

Как видно из названия способа структурирования гражданского права, пандектная систематизация частного права рецептирована из римской юриспруденции. Знаменитая кодификация Юстиниана, проведенная в 530–533 гг., повлекла за собой создание сборника, названного Пандектами, или Дигестами, т. е. «всеобъемлющими». Кодекс включал в себя не только источники действующего на тот момент римского частного и публичного права, но и изложение основ правовой доктрины, а также правила судебного и служебного делопроизводства¹.

¹ См.: Пахман С. В. История кодификации гражданского права. В 2 т. Т. 1. СПб., 1876. С. 19–20.

Пандекты составлялись юристами, преподававшими в византийских правовых училищах. Для упрощения и ускорения формирования кодекса его систематизация, с одной стороны, соответствовала отраслям права, известным римскому праву того времени, а с другой – совпадала с последовательностью тем, изучаемых в юридических учебных заведениях Византийской империи.

В связи с этим порядком пандектный метод систематизации норм гражданского права основывается на четком разделении системы закона на общую и особенную части. В общей части, как известно, формулируются наиболее абстрактные для отрасли права институты – принципы, лица, вещи, сроки и сделки. Другими словами, общая часть отражает элементы абстрактного гражданского правоотношения, которые в особенной части разворачиваются и конкретизируются в частных разновидностях правоотношений. Таким образом, при пандектной систематизации норм исследуемой отрасли явно прослеживается тот «школьный» принцип группировки норм гражданского права, который заложили в основу учебника римского права – Пандектов, давшего название самому способу систематизации отрасли.

После составления Пандектов по распоряжению Юстиниана был подготовлен и учебник римского права, названный Институциями. Институции содержали только общие положения о лицах, вещах, обязательствах и исках, которые применялись при решении слушателями юридических школ отдельных правовых казусов. В этой связи институционный способ систематизации гражданского права, встречающийся во Французском гражданском кодексе, предполагает не столь выраженную общую часть и включает в себя нормы о субъектах частного права, а также регулирует семейные отношения, не отделяя их от гражданских.

Англосаксонская система права отличается отсутствием строгой нормативности; акты права, как правило, не кодифицированы, широко используется прецедент, и в качестве источника применяется правовая доктрина. Следует отметить, что российское право не признает в качестве источника права судебные решения по ранее рассмотренным делам и придерживается нормативных источников правового регулирования.

Большинство исследователей относят отечественное право к романо-германской правовой семье. К тому же российское гражданское право, несмотря на свою эклектичность, имеет больше общего с правом Германии, чем с правом Франции, что проявляется и в структурировании самой отрасли. Система российского гражданского права строится в соответствии с пандектной системой кодификации, хотя и с определенными особенностями.

В отличие от Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), где законодатель в тексте самого закона разделил Общую и Особенную части, ГК РФ на части не делится¹. По аналогии с УК РФ особенной частью ГК РФ традиционно считается вторая его часть. Поскольку она начинается с норм о правовом регулировании поименованных видов договоров, то это отождествляет ее с Особенной частью УК РФ, в которой содержатся статьи об отдельных составах преступлений.

Примечательно, что принцип деления общей части кодекса, отвечавший логике изучения гражданского права и примененный восточноримскими юристами, сохраняется по настоящее время. Институты общей части ГК РФ расположены в законе в соответствии с диалектикой развития правоотношения: от общих принципов правового регулирования к субъектам, между которыми возникают права и обязанности, к наиболее распространенным основаниям возникновения правоотношений – сделкам, срокам существования гражданских прав и далее к конкретным видам гражданских правоотношений.

Таким образом, исходя из изложенного понимания способа систематизации ГК РФ на части, началом особенной части следует признать раздел II ГК РФ «Право собственности и другие вещные права», поскольку именно с него начинается дифференциация гражданских правоотношений на вещные и обязательственные.

Тем не менее систематизация норм ГК РФ является дискуссионным вопросом в российской цивилистике. По мнению ряда исследователей, вещные права, а также общие положения об обязательственных

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996 г. № 25. Ст. 2954.

правах и договорах входят в общую часть¹. Однако особенная часть ГК РФ включает в себя нормы, в которых общие положения гражданского права реализуются в конкретных правовых отношениях, в первую очередь в договорном праве, в деликтных и односторонних обязательствах, наследственных и авторских правоотношениях.

В данном пособии представлено исследование о гражданско-правовых механизмах противодействия коррупции в общей части ГК РФ, которое авторы провели, исходя из тезиса о том, что общая часть заканчивается положениями об исковой давности, содержащимися в гл. 11 ГК РФ.

Исследователи юридической терминологии обращают внимание на неясность этимологии слова «коррупция»². По одной из версий, полисемантический термин «коррупция» берет начало из латинского языка, где он первоначально использовался для обозначения процесса порчи чего-либо, находящегося в замкнутом объеме – воды в сосуде, пищи в желудке. Выражение, по смыслу сравнимое с русским «мутить воду».

В латинском юридическом словоупотреблении термин «коррупция» стал обозначать злонамеренный сговор нескольких лиц по поводу одного предмета сделки в целях нарушения правомерного хода торгов или судопроизводства, возникшего из спора по поводу этого предмета³. Интересную гипотезу происхождения слова «коррупция» выдвигает Г. К. Мишин. По мнению ученого, в основе лексемы лежат два латинских слова: *cor* – сердце, душа, рассудок и *ruptum* – разрушать, портить, развращать⁴. Следуя такой версии, можно сделать вывод о том, что коррупция – это явление, характеризующееся обесцениванием моральных устоев, падением нравов и продажностью, возникающее не только в процессе управления обществом,

¹ См.: Жусупов А. Т. Концепция оптимизации структуры Гражданского кодекса Республики Казахстан и национальной системы законодательства. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31339189&pos=6;-106#pos=6;-106 (дата обращения: 16.05.2022).

² См.: Культура речи и риторика для юристов: учебник и практикум для академического бакалавриата / под общ. ред. Н. А. Юшковой. М.: Юрайт, 2016. С. 132–135.

³ См.: Климова М. В. Понятие коррупции // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3. С. 433–442.

⁴ См.: Мишин Г. К. Коррупция: понятие, сущность, меры ограничения: лекция. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1991. С. 10.

но и в иных сферах социального бытия. Поскольку правовые методы борьбы со снижением нравственного и этического уровня общественной жизни не всегда применимы, а последствия падения нравов иногда не находятся в сфере правового регулирования, то коррупция стала восприниматься как уголовно наказуемое деяние, сузившись до подкупа, взяточничества или иной формы корыстного покровительства.

Таким образом, в настоящее время понятие «коррупция» используется в случае любого проявления поведения, отклоняющегося от предписанного государственным служащим, противоречащего интересам государственной службы. Однако подчеркнем, что ограничивать коррупцию только злоупотреблениями в сфере государственной или муниципальной службы не следует, поскольку это не только публично-правовое явление, но и социальное зло, имеющее экономические корни.

Следует согласиться с мнением А. И. Сидорова о том, что коррупция – интегральное явление, т. е. феномен, требующий исследования с применением достижений всех социальных наук, а не только юриспруденции¹. В противном случае те формы коррупции, которые не выглядят как явное преступление – подкуп, взятка или злоупотребление полномочиями в корыстных интересах, могут восприниматься в качестве проявления предприимчивости или возможности решения вопросов с институтами публичной власти частным порядком. Так, получение непрозрачного дохода от покровительства бизнеса в современной российской литературе именуется «силовой рентой», под которой следует понимать банальное вымогательство части дохода от наиболее перспективных сфер экономической деятельности в обмен на явное или мнимое покровительство со стороны коррумпированных чиновников².

Вместе с тем в России ведется системное противодействие коррупционной деятельности в первую очередь путем создания последовательной и непротиворечивой нормативной базы. Так, Россия рати-

¹ См.: Сидоров А. И. Коррупция как монополия: осуществима ли ее ликвидация // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 1. С. 8.

² См.: Мартыанов В. С. Капитализм, рента и демократия // JIS. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kapitalizm-renta-i-demokratiya> (дата обращения: 16.05.2022); Клиффорд Гэдди. Управление рентой как основа стабильности // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6, № 1. С. 181–190.

фицировала многие акты международного права, служащие источниками для национального антикоррупционного законодательства. Конвенция ООН против коррупции в преамбуле указывает, что борьба с коррупцией требует междисциплинарного подхода. Несмотря на то что составители акта не уточняют, какой смысл они вкладывают в этот тезис, вероятно, что речь идет именно о необходимости консолидации не только знаний всех отраслей гуманитарных наук для выработки мер предупреждения коррупции, но и объединения юридических методов, предусмотренных всеми отраслями права, для противодействия коррупционным правонарушениям¹.

Итак, условно можно выделить широкое понимание термина «коррупция», в котором она определяется как любое поведение, не соответствующее государственным интересам, чаще всего преследующее корыстные цели. В узком понимании коррупция воспринимается как использование служебного положения в целях личного обогащения².

В свою очередь, следует разделять понятие коррупции как результат совершения противоправных коррупционных действий и сами действия, приводящие к коррумпированности той или иной сферы социальной активности: экономики, различных отраслей государственной службы – судебной системы, полиции или надзорных органов. Именно с формами осуществления коррупционной деятельности имеет дело уголовное законодательство, устанавливающее ответственность за взятку, коммерческий подкуп или принуждение к совершению каких-либо действий в пользу обложенного полномочиями лица.

Коррупция как социально-правовой институт может иметь и частно-правовую коннотацию, когда ею обозначается злонамеренное воздействие на гражданские правоотношения, нарушающее принципы равенства и добросовестности участия в гражданских правоотношениях их субъектов.

¹ См.: Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 16.05.2022).

² См.: Климова М. В. Понятие коррупции. С. 437.

Для понимания правовой природы коррупции необходимо решить вопрос о том, является ли ее конститутивным (существенным) признаком использование служебного положения в корыстных целях или же это явление выходит за рамки отношений, возникающих в сфере государственной или муниципальной службы. В связи с этим следует обратиться к точке зрения на правовую природу коррупции, высказанной М. Г. Решняк, Г. Е. Слепко и Ю. Н. Стражевич, о том, что для возникновения коррупционного отношения достаточно двух факторов: во-первых, наличия у лица возможности использования своего служебного положения в целях получения выгоды, а во-вторых, желания лица приобрести благо, не имея на то оснований, не проходя определенной процедуры¹. Указанные признаки характерны для большинства, если не для всех, имущественных преступлений и не позволяют отграничить кражу, разбой или присвоение от коррупционных правонарушений. Поэтому необходимо уточнить, что коррупционному правонарушению должны быть присущи оба признака. Более того, от коррупционного нарушения следует отличать коррупциогенное поведение, которое может заключаться в создании условий для коррупции, но без совершения собственно правонарушения. Подобным образом возникает конфликт интересов, о гражданско-правовом значении которого будет сказано ниже.

По мнению М. Г. Решняк, Г. Е. Слепко и Ю. Н. Стражевич, коррупционные правонарушения могут совершаться не только должностными лицами, но и любыми субъектами управленческой деятельности, например, в условиях аффилированности, о чем также речь пойдет далее². Представляется, что коррупционные отношения складываются не только при злоупотреблении должностным положением, т. е. при корыстном использовании управленческих функций. Коррупциогенная ситуация может возникнуть в любых отношениях, где имеется возможность злонамеренного влияния на экономические процессы, например, на распределение благ, находящихся в пуб-

¹ См.: Решняк М. Г., Слепко Г. Е., Стражевич Ю. Н. Место и роль гражданско-правовых механизмов в системе мер противодействия коррупции // Безопасность бизнеса. 2016. № 2. С. 47–54.

² Там же. С. 49.

личной собственности. Такой вывод подтверждается возлагаемой на граждан, не являющихся государственными или муниципальными служащими, обязанностью предоставлять сведения о доходах в соответствии со ст. 8 Федерального закона «О противодействии коррупции»¹.

Важно отметить, что акты международного права, такие, например, как Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, не содержат определения понятия «коррупция», а употребляют ассерторические суждения, подобные следующему: «Должностные лица по поддержанию правопорядка не совершают какие-либо акты коррупции. Они также всемерно препятствуют любым таким актам и борются с ними»². Очевидно, что указанные документы носят декларативный характер, тем не менее следовало бы использовать метод называния положительных качеств определяемого феномена, а не перечислять те свойства, которыми он не обладает.

Определение коррупции как противоправного деяния содержится в ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции»³. Этот закон исходит из узкого понимания коррупции как противоправного способа извлечения выгоды из должностных полномочий или иного способа административного воздействия на общественные отношения, содержащие коррупциогенные факторы.

Вместе с тем неопределенность и размытость правовых терминов предполагает, в свою очередь, чрезмерную свободу их толкования, что приводит к неоправданной строгости закона, а также открывает простор для усмотрения, что тоже является коррупциогенным фактором⁴. Поэтому для уяснения смысла термина «коррупция» и обнаружения антикоррупционных мер в общей части ГК РФ в целях

¹ См.: О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Российская газета. 30 декабря 2008 г. № 266.

² Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (принят 17 декабря 1979 г. Резолюцией 34/169 на 106-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). URL: <https://docs.cntd.ru/document/420373836> (дата обращения: 16.05.2022).

³ См.: О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Российская газета. 30 декабря 2008 г. № 266.

⁴ См.: Лубин А. Ф., Афанасьев А. Ю. Коррупциогенность уголовного закона как детерминанта коррупционных рисков уголовного процесса // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 420.

последующего их анализа следует применять методы системного толкования этой юридической дефиниции. В то же время справедливо мнение А. А. Молчанова о том, что коррупцию в контексте норм гражданского законодательства надлежит рассматривать как один из деликтов, служащих основанием для ответственности, следовательно, факт причинения вреда коррупционным правонарушением необходимо доказать в судебном порядке¹.

Поскольку определение вреда содержится в ст. 15 ГК РФ, то оно как институт общей части кодекса должно быть исследовано в настоящей главе данного пособия. Решение вопроса о возмещении вреда, причиненного коррупционным правонарушением, связано, во-первых, с определением потерпевшего от него, а во-вторых, с установлением виновного субъекта и способа возмещения причиненного вреда.

Потерпевшим от коррупционного правонарушения является лицо, незаконно лишившееся имущественного или неимущественного права либо необоснованно понесшее обязанность, не обусловленную законом или договором, в связи с совершением действий, квалифицированных судом как коррупционные. В связи с таким определением пострадавшими от коррупции могут признаваться лица, не только участвовавшие в правоотношениях, возникших из неправомерного осуществления полномочий органами публичной власти и их должностными лицами, но и субъекты частных правоотношений, сложившихся, например, в результате злонамеренного использования состояния аффилированности.

В соответствии с Конвенцией Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию² (далее – Конвенция) вред, причиненный коррупционным правонарушением, включает в себя упущенную выгоду и реальный ущерб. Пострадавший от коррупци-

¹ См.: Молчанов А. А. Гражданско-правовая ответственность за коррупционное поведение: анализ международного и российского и права // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 4 (72). С. 126.

² См.: Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (ETS № 174) [рус., англ.] (заключена в г. Страсбурге 4 ноября 1999 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

онного правонарушения гражданин также может взыскать компенсацию за причиненный моральный ущерб. Возможность взыскать упущенную выгоду в размере не меньшем, чем полученные нарушителем неправомерные доходы, позволяет применять так называемую сверхкомпенсационную санкцию, в частности, к лицам, получающим сверхдоходы, изъятие которых не предусмотрено антикоррупционным или антимонопольным законодательством¹.

Вместе с тем коррупционные правонарушения могут и не иметь явно выраженных противоправных действий в качестве элемента объективной стороны, а в таких актах коррупции, как дача взятки, возмещение вреда вряд ли возможно. Вопрос о субъекте ответственности зависит от того, в какой форме были осуществлены коррупционные действия. В случае совершения коррупционного деяния, предусмотренного уголовным законодательством, противоправность поведения приобретает форму действия или бездействия должностного лица, использующего в коррупционных интересах служебные полномочия. Тогда ответственность наступает по правилам ст. 16 ГК РФ с последующим регрессным взысканием причиненного бюджету вреда. Если коррупционное правонарушение не связано с совершением преступления, а находится в частноправовой сфере, например, создание аффилированного лица, совершение сделок с коррупциогенной заинтересованностью, то для возмещения ущерба придется доказать не только факт коррупционности спорного правоотношения, но и причинно-следственную связь с ущербом.

По мнению Я. Г. Ищука, коррупция является не только преступлением, направленным на получение незаконного вознаграждения, но, к сожалению, приобретает характер масштабного негативного социально-экономического явления, выражающегося не только в банальном злоупотреблении должностным положением, но и лоббировании корыстных интересов при распределении бюджетного финансирования, последующем инвестировании незаконно приобретенных средств в экономику или создании аффилированных юри-

¹ См.: Стариков А. В. Гражданско-правовые способы защиты от нарушений антимонопольного законодательства // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 5. С. 72.

дических лиц для получения незаконного дохода или контроля над деятельностью организаций¹.

Следует отметить, что борьба с коррупцией не может быть ограничена только мерами уголовно-правового воздействия. В настоящее время Россия не ратифицировала Конвенцию, что в целом затрудняет борьбу с этим антисоциальным явлением. Одной из эффективных мер противодействия коррупции, содержащихся в Конвенции, является имплементация в национальное законодательство мер ответственности государства перед лицами, пострадавшими от коррупции. Ответственность устанавливается в форме солидарной обязанности органов власти и должностных лиц возместить ущерб гражданам и организациям, ставшим жертвами коррупционных правонарушений.

Тем не менее большинство положений Конвенции инкорпорировано в российское законодательство, в том числе гражданское, в частности в нормы ГК РФ о вещном и обязательственном праве. Их подробный анализ будет проведен в соответствующих главах настоящего пособия.

Частноправовые меры борьбы с коррупцией отличаются от публично-правовых тем, что они преследуют цель недопущения приобретения незаконных прав – вещных в отношении имущества и обязательственных в отношении действий других лиц, основанных на противоправном использовании преимущественного положения в связи с исполнением должностных обязанностей.

Условно гражданско-правовые меры борьбы с коррупцией, содержащиеся в ГК РФ, можно разделить на превентивные, или перспективные, и ретроспективные, т. е. имеющие характер санкций, наступающих за совершенное коррупционное правонарушение.

Проявлением перспективного действия на потенциально коррупциогенные правоотношения следует признать установление в законодательстве концептуальных принципов, создающих фундамент из норм правовой отрасли для противодействия любым действиям, способным повлечь коррупционные последствия. В соответствии с прин-

¹ См.: Организация противодействия коррупции: учеб. пособие / В. Ф. Цепелев, Н. Э. Маргынченко, Я. Г. Ишук [и др.]; под общ. науч. рук. В. Ф. Цепелева. М.: Акад. упр. МВД России, 2020. 100 с.

ципом добросовестности, провозглашенном в ст. 1 ГК РФ, участники гражданских правоотношений, независимо от их должностного или имущественного положения, должны действовать добросовестно. Под добросовестностью, среди прочего, понимается и невозможность извлекать выгоду из своего преимущественного положения, в том числе посредством недобросовестной конкуренции¹.

Добросовестность участников гражданских правоотношений является гарантией от использования господствующего положения при заключении гражданско-правовых договоров, стороной которых выступает публично-правовое образование. Недобросовестное использование гражданско-правовых механизмов заключения договоров, стороной которых является государственный или муниципальный орган власти либо учрежденные ими организации, влечет за собой нарушение основных принципов гражданско-правового регулирования – равенства участников регулируемых ГК РФ отношений и невозможности извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения.

Добросовестность участия в гражданском обороте предполагает равенство правовых статусов его субъектов. Положение ст. 1 ГК РФ содержит довольно абстрактный принцип равенства участников правоотношений, регулируемых ГК РФ. Стоит отметить, что указанный принцип детализируется актами публичного законодательства, например ст. 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»².

Защита добросовестности участия в гражданском обороте достигается путем запрета государственным служащим участвовать в управлении коммерческими и некоммерческими организациями, а также заниматься предпринимательской деятельностью.

Одним из ярких проявлений использования господствующего положения в имущественных отношениях является создание состояния аффилированности и извлечение незаконного обогащения из зави-

¹ См.: О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами анти-монопольного законодательства: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 марта 2021 г. № 2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5.

² См.: О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

симости участников гражданских правоотношений. Как известно, подавление конкуренции – это один из признаков монополистической экономики, неизменной спутницей которой является коррупция. Монополизации рынка товаров, работ и услуг сопутствует неравномерное распределение ресурсов в экономике, поскольку в обороте участвуют заинтересованные в получении государственных инвестиций аффилированные с коррумпированными чиновниками агенты рынка. А. И. Сидоров справедливо отмечает, что коррупции свойственно монополизировать сначала политические институты государства, а затем и экономическую сферу жизни общества¹. Подход спорный, так как сложно установить, что в данном случае первично – коррумпированность чиновников и сращивание интересов власти и бизнеса или, напротив, накопление капиталов предпринимателями и последующее их инвестирование в коррумпирование правящей элиты. Однако в целом следует с согласиться с мнением А. И. Сидорова, что «продажные» чиновники нуждаются в финансовой подпитке своей противоправной деятельности, а для ее бесперебойного получения требуется создать нормативную базу, позволяющую влиять на экономику государства.

Использование состояния аффилированности как искусственно созданной зависимости между субъектами гражданских правоотношений проявляется главным образом в заключении сделок с заинтересованностью. Совершение гражданско-правовых сделок, целью которых является не сохранение публичных ресурсов и рациональное расходование бюджетных средств, а персональное обогащение лиц, способных влиять на распределение общественных богатств, ведет к необоснованному завышению цен на реализацию масштабных проектов, снижению их качества или полному сворачиванию общественно значимых разработок. Ярким примером коррупционного противодействия завершению общенациональных проектов можно назвать строительство космодрома «Восточный», в процессе кото-

¹ См.: Сидоров А. И. Коррупция как монополия: осуществима ли ее ликвидация // Общество. Среда. Развитие (TerraHumana). 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsiya-kak-monopoliya-osuschestvima-li-ee-likvidatsiya> (дата обращения: 16.05.2022).

рого недобросовестные действия заказчиков товаров, работ и услуг для государственных нужд выражались в организации закупок у организаций, возглавляемых их родственниками¹.

Заметим, что понятие аффилированности как института общей части ГК РФ в тексте ст. 53.2 сформулировано чрезмерно нейтрально. Из содержания указанной статьи явно не следует, для чего она включена в текст закона. Представляется, это простая констатация факта возможного влияния одних субъектов гражданских правоотношений на другие, однако контекст этой нормы неясен.

В свою очередь, некоторые исследователи справедливо усматривают в аффилированности коррупциогенный фактор. Так, С. Н. Хорунжий отмечает, что аффилированность может рассматриваться в двух аспектах – частноправовом, публично-правовом. В частноправовом влияние устанавливается в целях управления деятельностью участника гражданских правоотношений. Подобный вид аффилированности, по мнению указанного автора, не противоречит требованиям ГК РФ, поскольку уравнивается принципом добросовестности, обязывающим не злоупотреблять своим выгодным положением.

Публично-правовая аффилированность, напротив, предполагает вмешательство в деятельность субъекта гражданских правоотношений в целях установления противоправного, чаще всего корыстного, влияния на юридически значимые действия участника гражданского оборота².

В тексте ГК РФ термин «аффилированность» не нашел должного разъяснения, поскольку, как следует из монографии А. А. Маковской, в проекте изменений ГК РФ предполагалось подробно урегулировать взаимоотношения контролирующего и подконтрольного лица вплоть до установления солидарной ответственности первого, если будет доказано, что аффилированное лицо причинило ущерб в связи с исполнением его поручений³. Возможность солидарной

¹ См.: Уголовные дела вокруг строительства космодрома «Восточный». URL: https://tass.ru/info/7101906?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 16.05.2022).

² См.: Хорунжий С. Н. Аффилированность как условие возникновения конфликта интересов в публично-правовой сфере // Мониторинг правоприменения. 2016. № 1 (18). С. 67–69.

³ См.: Маковская А. А. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью: анализ и комментарий законов «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью». М.: Статут, 2020. 375 с.

ответственности контролирующего лица стала бы дополнительной эффективной мерой воздействия на участников коррупционных отношений, помимо уголовно-правовых санкций. Таким образом, на примере ст. 53.2 ГК РФ отчетливо виден шаг российского законодателя к имплементации норм Конвенции, который завис в воздухе, не закончившись логичным включением в текст закона норм об ответственности за коррупциогенную аффилированность.

Вместе с тем законодательная детализация термина «аффилированность» крайне необходима, поскольку высшие судебные органы Российской Федерации признали тот факт, что споры о негативном влиянии аффилированности разрешаются судами не на основании требований законодательства, а в соответствии с обстоятельствами каждого конкретного дела¹. В соответствии с Методическими рекомендациями по проведению правовой и антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований (с иллюстрацией на конкретных примерах) определяется, что дискреционность (право усмотрения) полномочий должностных лиц в ходе реализации правовых актов составляет основную и часто выявляемую массу коррупциогенных факторов².

Проявлением аффилированности является отсутствие самостоятельности в формировании волеизъявления субъектами гражданских правоотношений. В свою очередь, возможность независимо формировать волю на приобретение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей – это основной элемент юридической безупречности совершаемой лицом сделки. Таким образом, аффилированность как коррупциогенный фактор может влиять и на такой институт общей части ГК РФ, как сделки.

Нормы ГК РФ не содержат прямого указания на незаконность сделок, совершенных с коррупционной заинтересованностью. Такой подход законодателя имеет ряд причин. Во-первых, термин «кор-

¹ См.: Соколова О. С. Скрытая аффилированность как инструмент диагностики конфликта интересов в сфере противодействия коррупции // Современное право. 2019. № 9. С. 35–39.

² См.: Методические рекомендации по проведению правовой и антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований (с иллюстрацией на конкретных примерах). М.: ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2017. 56 с.

рупция» с очевидностью не рассматривается как гражданско-правовой, поэтому в нормах о договоре дарения он не упоминается, но из формулировок ст. 575 ГК РФ явно следует коррупционность регулируемой ею сделки. Во-вторых, заинтересованность как конститутивный элемент коррупционных действий в ст. 1 ГК РФ указывается в качестве основного мотива участия в гражданских правоотношениях. С учетом презюмируемой добросовестности участия в гражданских правоотношениях противоправную заинтересованность в совершаемой сделке необходимо доказать в судебном порядке либо по результатам уголовного преследования. По этой причине сделка признается коррупционной и ничтожной.

Исследователи аргументируют возможность использования в регулировании гражданских правоотношений такого института, как «конфликт интересов»¹. Бесспорно, сделки, совершаемые в явном противоречии с интересами юридического лица, но приносящие доход субъекту, управляющему организацией, с точки зрения антикоррупционного законодательства надлежит признать коррупционными. В то же время ГК РФ оперирует другими категориями при регулировании сделок. Так, если сделка будет признана судом нарушающей требования закона, иного правового акта либо признана мнимой или притворной, то она считается ничтожной, т. е. не породившей иных последствий, кроме связанных с ее ничтожностью. ГК РФ устанавливает абстрактное правило о том, что противоправность цели сделки может повлечь за собой ее недействительность, конкретизация противоправности в нормах ГК РФ не требуется, поскольку деяний, имеющих форму сделки и незаконное содержание, существует довольно много.

ГК РФ в случае с именуемыми В. И. Малкиной коррупционными сделками занимает позицию закона, нормы которого применяются тогда, когда необходимо привести правоотношение в положение, в котором оно существовало до нарушения. Очевидно, что не все сделки, признанные коррупционными, могут повлечь уголовную ответственность, поэтому приведение сторон в первоначальное положение возможно путем применения норм ГК РФ.

¹ См.: Малкина В. И. Влияние конфликта интересов на институты гражданского права // Юрист. 2020. № 7. С. 31–37.

Следует учесть, что ГК РФ использует общую формулировку – «сделки, противоречащие основам правопорядка и нравственности» – как основание признания их недействительными. Оценочный характер признака противоречия правопорядку и нравственности послужил причиной обращения к определению Конституционного суда Российской Федерации за разъяснением содержания этих понятий¹. По мнению Конституционного суда РФ, незаконность такой сделки возникает в том случае, если ее результат не просто не соответствует закону, а противоречит ему, т. е. сделка совершалась именно как противоправная. В связи с этим необходимо определить, что являлось целью такой сделки и в чем состояло противоречие ее цели и последствий основам нравственности и правопорядка. Таким образом, предполагается установление не только того обстоятельства, что сделка совершена не просто лицом, обладающим положением, которое может быть использовано для коррупционных сделок, но и того факта, что внутренний (воля) или внешний элемент содержания сделки (волеизъявление) противоправен вследствие коррупционного злоупотребления. В подобной ситуации применение односторонней реституции или обращения имущества в доход государства, как того требует Конвенция, было бы оправданной антикоррупционной мерой.

Сделки, которые рядом авторов (В. И. Малкиной, К. Г. Токаревой) именуются как коррупционные и, по их мнению, должны быть закреплены в ГК РФ как разновидности ничтожных сделок, не могут рассматриваться в качестве института гражданского права. Коррупция – многоуровневый феномен, способный проявляться в различных правоотношениях, вместе с тем представляется, что преследование коррупционеров посредством последствий, предусмотренных для ничтожных сделок, т. е. путем применения односторонней реституции, возможно, но исключительно в качестве меры дополнительной ответственности к уголовной или административной.

¹ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Уфимский нефтеперерабатывающий завод» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 169 Гражданского кодекса Российской Федерации и абзацем третьим пункта 11 статьи 7 Закона Российской Федерации «О налоговых органах Российской Федерации»: определение Конституционного суда РФ от 8 июня 2004 г. № 226-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Во-первых, в связи с действием принципа добросовестности недобросовестность контрагента следует доказывать в судебном порядке, поскольку нормы гражданского кодекса в части признания незаконности сделки содержат самые абстрактные характеристики (нарушение требований закона или иного правового акта, посягательство на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц). Все указанные обстоятельства требуется доказать в рамках судопроизводства, проводимого в связи с соответствующим отраслевым правонарушением. Во-вторых, действие в собственных интересах также правомерно в гражданских правоотношениях, как и реализация этих интересов путем заключения любого непротиворечащего закону договора. Следовательно, коррупционность сделки в данном случае не может считаться презумпцией и должна быть доказана, как и любой иной случай нарушения закона при совершении сделки.

За «несостыковкой» в целом благого намерения борьбы с коррупцией мерами гражданского законодательства кроется не только нежелание государства закрыть себе лазейку в законодательстве, дающую возможность недобросовестно пользоваться в корыстных интересах своими полномочиями, но и гораздо более глубокая проблема, заключающаяся в невозможности применения публично-правовых мер преследования коррупционеров средствами частного права.

Дело в том, что гражданское право как частное право, как сфера регулирования имущественных и неимущественных отношений, основанных на принципах равенства и добросовестности, предполагает определенные границы регулирования отношений и их защиты в случае необходимости. Нормы ГК РФ предусматривают такой уровень взаимодействия между участниками правоотношения, который хотя и обладает повышенной важностью, как обеспечивающий стабильность имущественного оборота в обществе, но в тоже время не рассчитан на защиту от явного пренебрежения нормами права, посягающего на общественные отношения, в охране которых задействованы институты публичного права. В цивилистической литературе высказываются мнения об опасности такого смешения частного правового и публичного регулирования.

По мнению С. А. Степанова, использование уголовно-правовых методов регулирования в гражданском праве может привести к воздействию не на имущественную сферу должника, а на его личность,

что как минимум нивелирует ценность частного права, а как максимум посягает на основы гражданского общества (ограничение свобод личности за имущественную несостоятельность)¹. Где гарантия, что вмешательство государства, пусть даже и с позитивной целью защиты граждан от коррупции, в гражданские правоотношения не может само стать коррупциогенным фактором? Подобные факты отмечал Д. А. Медведев, находясь на посту Президента Российской Федерации. На встрече с представителями предпринимательского сообщества 26 февраля 2010 г. Д. А. Медведев обратил внимание на имеющиеся возможности произвольного применения уголовного законодательства для разрешения экономических споров, другими словами, гражданских правоотношений².

Следует признать верной позицию российского законодателя, ограниченно имплементирующего нормы международного антикоррупционного права, поскольку гражданское право нельзя смешивать ни с уголовным, ни с административным, в том числе путем внесения в него антикоррупционных санкций. Очевидно, что отрасли российского права, находящиеся между собой в функциональной взаимосвязи, не должны дублировать регулятивные функции, следовательно, гражданское право регулирует отношения, которые охраняются уголовным³. В. Ф. Яковлев приводил этот пример относительно права собственности, однако его можно распространить и на остальные виды гражданских правоотношений, так как внутриотраслевой переход регулируемых общественных отношений означает их качественное изменение.

Например, осуществление своего интереса в рамках гражданских правоотношений является мотивом и целью участия в них. Когда же интерес реализуется путем применения недобросовестных методов участия в гражданских правоотношениях, посредством использования коррупционных связей в чиновничьих кругах для ограничения

¹ См.: Степанов С. А. «Доброе» гражданское право и «злой» уголовный закон (постановка вопроса) // Проблемы развития частного права: сб. ст. к юбилею В. С. Ема / отв. ред. Е. А. Суханов, Н. В. Козлова. М.: Статут, 2011. С. 146.

² См.: Малый и средний бизнес должен стать основой для инновационного развития страны. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/6983> (дата обращения: 16.05.2022).

³ См.: Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М.: Статут, 2006. С. 236.

возможностей конкурентов или присвоения корпоративного имущества в любой его форме, то это изменяет качество регулируемых гражданским правом отношений, наделяя их новыми, в данном случае негативными признаками.

В завершение рассмотрения некоторых вопросов антикоррупционных правовых мер, предусмотренных общей частью ГК РФ, необходимо сказать о применении исковой давности в имущественных спорах, возникающих из коррупционных правонарушений.

ГК РФ не содержит специальных уточнений о том, что требования, предъявляемые для защиты от нарушений имущественных и неимущественных прав, пострадавших от коррупционных деликтов, относятся к особым случаям применения исковой давности.

Вместе с тем в литературе высказывается обоснованное мнение о том, что на требования об изъятии имущества, незаконно приобретенного лицами, осужденными за коррупционные преступления, исковая давность не должна распространяться. В частности, С. А. Бочкарев аргументированно утверждает, что иски прокуратуры об изъятии незаконно приобретенного коррупционерами имущества предъявляются в интересах государства, а также в целях охраны общества и установленной им правовой демократии от злоупотреблений и криминализации власти, легитимность которой основывается на доверии общества и репутации лиц, занимающих публичные должности, с тем чтобы у граждан не рождались сомнения в их нравственных качествах, в законности и бескорыстности их действий как носителей публичной власти¹.

Как известно, исковая давность как институт гражданского права выполняет несколько функций. Во-первых, она дисциплинирует участников гражданских правоотношений, напоминая им о необходимости не только своевременного осуществления субъективных прав, но и об ограниченности времени их защиты. Во-вторых, исковая давность выполняет так называемую погасительную функцию, т. е. может прекращать защиту права, не признавая при этом легальности последствий его нарушения². В связи с этим по общему

¹ См.: Бочкарев С. А. Коррупция вне сроков исковой давности // Законность. 2021. № 2. С. 8.

² См.: Полина Н. С. Понятие и значение исковой давности: историко-правовые аспекты // Вестник БГУ. 2012. № 2. С. 240.

правилу исковая давность придает защите общественного отношения меньшую значимость в силу большого срока, прошедшего с момента его возникновения, и тем самым соглашается с возможностью оставления сложившегося фактического положения вещей в том состоянии, в котором они находятся к данному времени. Однако процессуальное право сохраняет возможность обращения за защитой в суд, поскольку при рассмотрении дела по существу судом могут быть выявлены обстоятельства, явно препятствующие погашению права на защиту.

Такого рода обстоятельства устанавливаются и при рассмотрении исков об изъятии имущества, приобретенного вследствие коррупционной деятельности или прекращения прав и обязанностей в правоотношениях, возникших в связи с действиями, квалифицированными как коррупционные. Существует несколько подходов к разрешению вопроса о применимости исковой давности в качестве способа защиты от коррупционных правонарушений. Первый рассматривает коррупцию в качестве стандартного основания приобретения имущественных прав и, следовательно, требует распространения общих сроков исковой давности на защиту правоотношений, возникших даже и из актов коррупционного поведения. Вторая точка зрения, которой придерживаются представители Генеральной прокуратуры РФ, основана на признании коррупционных деяний в качестве последствий совершения преступлений или дисциплинарных проступков, следовательно, имущественное обогащение, полученное в результате их совершения, не подлежит защите в порядке исковой давности и безусловно взыскивается у владельца. Третья позиция, которой придерживаются суды, заключается в том, что имущество, имущественные и неимущественные права, приобретенные в результате коррупционной деятельности, вовлечены в гражданский оборот незаконно, используются в противоправных целях, и, следовательно, применение к таким отношениям исковой давности, которая служит обеспечению стабильности гражданского оборота, неправомерно¹.

¹ См.: Бочкарев С. А. Коррупция вне сроков исковой давности. С. 10.

Следует согласиться с мнением, высказанным С. А. Бочкаревым, о том, что институт исковой давности не должен распространяться на защиту прав, приобретенных в результате совершения коррупционных действий и бездействия, поскольку фактическое попустительство государства коррупционерам путем «прощения» их обязательств перед государством и обществом не только не стабилизирует имущественный оборот, но и дискредитирует власть перед гражданами как неспособную взыскать в полной мере с нарушителя, посягнувшего на верховенство закона и подорвавшего доверие к государству.

Таким образом, борьба с коррупцией – это точка соприкосновения частного и публичного права, в которой отрасли права, существенно отличающиеся по кругу регулируемых общественных отношений, целям и методам воздействия на них, выполняют общую государственную задачу – восстановление прав, нарушенных антиобщественным коррупционным деянием.

Вопросы для самоконтроля

1. На какие виды можно условно разделить гражданско-правовые меры борьбы с коррупцией?
2. Какой вид гражданско-правовой ответственности, на Ваш взгляд, наиболее эффективен против коррупционных правонарушений?
3. Охарактеризуйте состояние аффилированности как коррупционного фактора.
4. В чем особенности применения исковой давности в имущественных спорах, возникающих из коррупционных правонарушений?
5. Перечислите признаки коррупционной сделки.

§ 2. Гражданско-правовые механизмы борьбы с коррупцией в нормах вещного права

Коррупционная деятельность является одной из наиболее опасных и вредоносных практик антиобщественного и антигосударственного поведения лиц, обладающих властными и иными административно-финансовыми полномочиями в публичной сфере общественных отношений. Они выступают от имени государства и общества и представляют его в отношениях с частными лицами Российской Федерации, иностранными субъектами, в том числе в области публичного права. Вступая в противоправные отношения в корыстных целях удовлетворения собственного интереса и понимая противозаконность таких актов, лица, обладающие должностными и иными властными государственно-муниципальными компетенциями, в целях уклонения от юридической ответственности зачастую прикрывают собственную антиобщественную деятельность якобы гражданскими отношениями, в которых они выступают в роли физических лиц частного права и действуют в соответствии с его нормами. Иными способами «отмыть» результаты собственного противозаконного поведения, которое выражается чаще всего в неких материализованных благах (недвижимости, имущественных правах требования, результатов работ и услуг и др.), просто невозможно. Одной из наиболее дорогих и привлекательных выгод как результата коррупционного поведения является приобретение в собственность (иное вещное право) группы дорогостоящих овеществленных объектов. Это совокупность вещей¹, обладающих уникальными или индивидуально-определенными признаками, по поводу которых всегда наличествует правовая привязка (связь) к индивиду, частному лицу. Оно обладает субъективным правом на материальный объект, персонифицированный его именем (наименованием), что дает этому лицу возможность легально осуществлять субъективные правомочия, соответствующие содержанию права. Правонарушитель пытается создать иллюзию своего «правового» поведения, результатом которого стало бы признание за ним законодателем права на вещь как

¹ См.: Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 301–319.

за добросовестным участником гражданских отношений, действующим правомерно в пределах собственной правоспособности и родового статуса и удовлетворяющим свой законный интерес.

Гражданское законодательство (подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ) в качестве одного из механизмов противодействия коррупции предусматривает следующее положение, а именно: обращение в доход государства имущества, в отношении которого не было предоставлено соответствующих сведений о природе возникновения прав на него. Указанные действия осуществляются на основании судебного решения при условии того, что гражданином, замещающим (занимающим) государственные (муниципальные) должности, были нарушены правила предоставления сведений о своих расходах, а также о расходах своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей на приобретение имущества, закрепленные в ст. 8.1 ФЗ «О противодействии коррупции».

Вещные отношения (вещное право, право на вещи) традиционно рассматриваются в доктринальной литературе в трех аспектах: это социально-психический взгляд на отношение, его экономическая интерпретация и юридический догмат.

Социально-психологический подход позволяет определять вещное право (право на вещи) следующим образом: это отношение человека к индивидуально определенному материальному объекту, как к своему или чужому. Соответственно, и социум (неопределенная группа лиц, т. е. все) признает за владельцем право на эту вещь и относится к ней, как к чужой. В рамках общественной безопасности и принятых социумом нравственных установок лицу дозволяется пользоваться вещью в целях удовлетворения собственного частного интереса. Иногда социально-психологический догмат об определении понимания собственности может иметь юридическое значение. В гражданском праве признается правовым положение персоны, когда у нее возникает субъективное право на вещь, известное как владельческое (посессорное)¹ право. Предполагается наличие права, порожденное фактом владения (держания) вещью безотносительно

¹ Посессор (от лат. *possessor* – владелец) // Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина и проф. Ф. Н. Петрова. 5-е изд., стер. М., 1955. С. 557.

к присутствию или отсутствию юридического факта возникновения соответствующего субъективного правомочия. Его наличие подразумевается у лица и признается за ним по факту принадлежности известного ему материального объекта. Более того, действует презумпция: «владелец вещи — ее собственник, пока не доказано иное»¹.

Психологический аспект вещного права есть результат формирования у человека в процессе воспитания (в том числе правовыми средствами) внутреннего морального убеждения о нравственном поведении в системе общественных отношений по поводу вещей. Следует помнить, что признание и защита факта владения вещью (ее держание) юридическими средствами возможны постольку, поскольку посессор приобрел овеществленное материальное благо, не выходя за пределы рамок установленного законом правопорядка, т. е. в его действиях не содержались признаки преступления или административного деликта. Такое положение вещей часто порождает иллюзию у третьих лиц, что «коррупционер», фактически владеющий вещью (державший ее, «господствующий» над ней), и есть обладатель субъективного вещного права на нее.

Экономическое понимание вещных отношений, в том числе отношений собственности, лежит в плоскости реальной возможности присвоения полезных свойств вещей и употребления их в своем интересе. Экономическая доктрина собственности говорит об отношениях между некими лицами (агентами), необязательно субъектами гражданского права, которые связываются между собой по поводу «присвоения экономических ресурсов и потребительских благ». Так как основой вещных отношений в праве выступают отношения собственности на вещи, то следует логический вывод, что это отношения между компетентными лицами по поводу присвоения благ вещей, определенных видовыми или индивидуальными признаками. При этом необходимо отметить, что экономический подход предполагает разделение категорий отношений собственности и права

¹ Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М.: Статус, 2000. С. 96.

собственности¹, т. е. «фактическое отношение к вещи» как к источнику благ и отношений «права на вещи», которые возникают между субъектами права по поводу вещей.

В контексте настоящего пособия, прежде всего, вызывает интерес юридическое понимание вещных отношений, которые базируются на постулатах вещного права, принятых российской цивилистической доктриной. Приобретение, осуществление, изменение и прекращение права на вещи в юридическом смысле возможно только в системе частноправовых отношений² и в рамках правоспособности физического или юридического лица. Кроме того, оно декорируется преимуществами, дозволениями, с одной стороны, а также запретами, ограничениями, стеснениями и обременениями, предусмотренными родовым статусом персонифицированного правообладателя, установленным нормативным порядком Российской Федерации³, с другой.

В отношении некоторых видов материальных благ законодатель предписывает правовой режим реализации права, т. е. очерчивает возможные границы осуществления субъективного права частным лицом (правила) на вещь (или иное имущество), определенную уникальными, индивидуально-определенными признаками или общей совокупностью родовых однотипных физических свойств⁴. Такие режимы могут устанавливаться не только в отношении вещей, ограниченных в гражданском обороте, но и свободно оборачиваемых. За пределами санкционированных возможностей реализации субъективного права, предоставленных правовым порядком частному лицу, его действия законодателем не признаются и рассматриваются как незаконные. Констатируется отсутствие правомочий субъекта на вещь

¹ Подроб. см.: Курс экономической теории: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / под ред. М. Н. Чепурина, Е. А. Киселевой. Киров: АСА, 2000. 752 с.; Экономика: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. С. Булатова. М.: Экономист, 2004. 832 с.

² В широком понимании этой дефиниции: гражданских, жилищных, семейных и т. п., а также частно-публичных: банковских, страховых и иных подобной правовой природы.

³ Например, глава 3 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в ред. от 01.01.2022–26.08.2022) // Собрание законодательства РФ от 2 августа 2004 г. № 31. ст. 3215.

⁴ См.: Об оружии: федер. закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ (в ред. от 29.11.2011) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.

и противоправный характер поведения ее фактического незаконного владельца и/или пользователя, в том числе добросовестного. Все это существенным образом влияет на возможности правового поведения физического лица, действующего в своем интересе при осуществлении права на вещи.

Вне гражданского правоотношения субъективного права частного лица не существует, и гражданско-правовой доктриной и практикой оно не допускается. Соответственно, вещное право (собственности или иное)¹ на вещь признается субъективным за индивидуализированным субъектом гражданского права, признанным правовым авторитетом только при наличии возникновения правового основания, породившего гражданское правоотношение соответствующей правовой природы и формализованного в санкционированной законодателем конструктивной целостности².

Анализ общественного отношения, его юридическая значимость, правовые последствия, которые возможно наступят, а также характер этих последствий зависят от анализа существенных элементов конструкции правоотношений и их соответствия действительности.

Следует учитывать особенности юридической природы отношений вещного права.

Во-первых, эти правоотношения имеют абсолютную сущность. Она воплощается в том, что обладатель субъективного вещного права (физическое лицо) наделен правом требовать от неопреде-

¹ Подробнее о правовой природе и понятии вещного права в Российской Федерации см.: Суханов Е. А. Вещное право. М.: Статут, 2016. 560 с.; Ахметьянова З. А. Вещное право. М.: Статус, 2011. 360 с.; Гражданское право: в 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права: учебник для студентов вузов / И. А. Зенин, Е. В. Кулагина, Е. А. Суханов, А. Е. Шерстобитов; отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 1–193.

² Учение о гражданском правоотношении см.: Иоффе О. С. Избранные труды. В 4 т. Т. 1: Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 31–193; Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. 88 с.; Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. 348 с.; Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрич-Издат, 2007. С. 197–263; Новоселова А. А. Динамика вещных правоотношений в гражданском праве // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2007. № 8. С. 89–94.

ленного круга лиц, т. е. всех, кто не обладает специальной правовой компетенцией, не совершать действий, препятствующих ему в осуществлении права на индивидуализированный материальный объект в своем интересе. То есть реализовать правомочия своей волей и личным произволом, не выходя за пределы нормативных и нравственных границ. Но при этом действует и обратная правовая связь, содержанием которой выступает право неопределенной группы лиц, т. е. всего социума, требовать, чтобы субъективное право осуществлялось его обладателем в пределах нормативных установлений с соблюдением принципов осуществления гражданских прав¹. Действия по реализации субъективного вещного права его обладателем не в соответствии с установленным правопорядком и коллективными моральными догматами всегда безнравственны, а зачастую несут в себе элементы общественной опасности и попадают под дефиницию административного или уголовно-правового деликта.

Во-вторых, вещное право осуществляется его обладателем самостоятельно и собственными действиями, т. е. непосредственно, напрямую. Осуществление его прокси² меняет правовую природу отношения, которое утрачивает свою вещно-правовую первооснову и превращается в обязательственное правоотношение, что, впрочем, не меняет его противоправной сущности, когда им прикрывают коррупционную деятельность.

В связи с этим большое значение имеет правильное установление индивидуального правового статуса физического лица, осуществляющего право (действительное или мнимое) на объекты вещного права. Но прежде чем перейти к анализу правового положения указанной фигуры, необходимо учесть немаловажное замечание.

Следует различать правовые категории:

1) физические лица как субъекты гражданского права. Выступают правовыми субъектами и действуют в правоотношениях «своей волей и в своем интересе». В правоотношении они всегда персонифицированы как лица, оперирующие собственными субъективными

¹ См.: Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статус, 2000. 411 с.; Дерюгина Т. В. Принципы осуществления гражданских прав: монография. М.: Книгодел, 2010. 188 с.

² Прокси (от англ. *proxy* – заместитель, доверенное лицо).

правами. Последствиями совершаемых ими актов являются приобретение субъективных прав, привязанных к личности этого лица, и исполнение собственных юридических обязанностей;

2) человек как субъект правовой деятельности. Это абстрактное лицо, реализующее некую правовую функцию в силу обязанности, возложенной на него законом либо нормативными, корпоративными или иными предписаниями, в том числе срочными ненормативными актами. Для действительности правоотношения, в котором он участвует, нет необходимости индивидуализировать его в качестве персонифицированного физического лица, субъекта гражданского права. Достаточно установить круг его функциональных полномочий. Обладая нормативной компетенцией, он вправе совершать акты, имеющие значение юридических фактов. Но при этом субъективные права и юридические обязанности возникают не для него как актора, а для других субъектов права, тех, кто наделил его правовой компетенцией, и от имени и в пользу которых он действует (бездействует)¹.

Актор-функционер в силу своего правового состояния не может обладать вещными правами или каким-то образом осуществлять их. Он обязан действовать в системе административных или обязательственных гражданских отношений в интересе лица, наделившего его соответствующей правовой компетенцией.

Субъект гражданского права одновременно является и субъектом правовой деятельности в своем интересе. Они всегда объединены и составляют его единую юридическую личность, кроме случаев абсолютной недееспособности физического лица. Субъект правовой деятельности не всегда является субъектом гражданского права, может не совпадать с ним в единой юридической конфигурации. В таких случаях следует разделять правовое поведение персоны как актора-функционера и его же акты как субъекта гражданского права. В первом случае он исполняет опциональную обязанность (реализует функции), а в другом – действует в своем интересе (физическое лицо).

¹ Например, государственный или муниципальный служащий, реализующий возложенные на него законом функции; работник органов внутренних дел, действующий в интересах службы; врач, осуществляющий профессиональную деятельность; поверенный в договоре поручения и т. п.

В то же время между индивидуальным правовым статусом физического лица и правовым положением этого же человека, действующего как актор-функционер, имеется непосредственная юридическая взаимосвязь и взаимозависимость, предписанная законом или санкционированными им актами, имеющими нормативное значение. Все зависит от вида и природы правового отношения, в котором он участвует. Независимо от того, в какой отрасли российского права физическое лицо осуществляет статусную правовую деятельность, совершая акты в свою ли пользу или исполняя функциональные обязанности, особенности его актуального правового положения неизбежно будут влиять на персональную возможность приобретения или осуществления субъективных прав физического лица.

Статусные состояния субъектов правовой деятельности, которые влияют на возможности физических лиц оперировать правовыми механизмами в своем интересе в сфере гражданского права, поскольку таковые могут признаваться коррупционными, перечислены в подп. «а» п. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции». Они возникают и наличествуют, преимущественно, в сфере государственно-муниципальной административно-управленческой деятельности, а также в меньшей степени в иных социальных областях властного администрирования, в том числе, как частность, в корпоративных отношениях, обеспечивающих жизненный цикл юридических лиц. Правовая природа, понятие и содержание этих статусов относятся к сфере доктринальных исследований публичного права¹.

Правоприменительно, апробирующему гражданско-правовые инструменты пресечения коррупционной деятельности либо устранения противозаконных имущественных последствий уже совершенных

¹ Подроб. см.: Сорочкин Р. А. Теоретико-правовые основы учения о субъекте коррупционного преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2021. 58 с.; Бугаевская Н. В. Коррупционные преступления: виды и особенности субъекта: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 196 с.; Правовое противодействие коррупции в Российской Федерации: учеб. пособие / под ред. А. Н. Артамонова, Р. В. Бушманова, А. А. Никитиной. Ростов н/Д, 2021. 163 с.; Кузнецова З. Н. Правовые основы противодействия коррупции в Российской Федерации // Коррупция: глобальные вызовы, региональное измерение. Исследования Брянских ученых: кол. монография. Брянск: Изд-во Брянского филиала РАНХиГС, 2019. С. 19–31.

деликтов, необходимо применять определенное правило. При определении субъекта гражданско-правовой ответственности следует в том числе руководствоваться признаками статуса актора-функционера, наличествующими у действующего фигуранта и породившими нормативные стеснения, запреты и иные препятствия такому физическому лицу, фиктивно использующему гражданский инструментарий приобретения и осуществления субъективного вещного права. Этот критерий является решающим, поскольку содержательные последствия такой противоправной деятельности излагаются в большом количестве самых разнообразных нормативных актов, действующих в различных отраслях российского права, начиная с конституционного и заканчивая корпоративным¹.

Необходимо помнить, что основанием возникновения вещных прав в системе гражданско-правовых отношений² выступает известный мартиролог юридических фактов. Это обстоятельства реальной деятельности, порождающие, изменяющие или прекращающие субъективные гражданские права. Их перечень носит нормативный характер и не подлежит расширительному толкованию³. Но в любом случае это юридический акт, в котором участвует физическое лицо своей волей и собственными действиями в целях приобретения, осуществления, изменения или прекращения вещного права. Однако сам факт возникновения гражданского правоотношения по поводу объекта вещного права вовсе не означает, что его результатом будет возникновение субъективного права или юридической обязанности его участников. Чаще всего это сделка, и она должна отвечать условиям ее действительности⁴, иначе гражданско-правовое отношение может

¹ Стеснения, ограничения и запреты также могут носить комплексный характер и содержаться в разнотраслевых нормативных актах, применяемых для регулирования правоотношений с участием актора-функционера.

² См.: п. 1 ст. 8 ГК РФ.

³ Юридические основания возникновения, изменения и прекращения вещных прав установлены в разделе II ч. 1 ГК РФ. Вещное право лица также может возникнуть в силу участия в договоре купли-продажи недвижимости и наследственных отношениях.

⁴ См.: Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 2. М.: ЦентрЮрИнформ, 2002. С. 333–360; Рабинович Н. В. Недействительность сделок и ее последствия. Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. 171 с.; Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрайт, 2007. С. 374–410;

не возникнуть вовсе, а значит, и не может возникнуть субъективное право на вещь в принципе. Либо возникшее правоотношение будет страдать пороками, которые требуется устранить, чтобы не наступили негативные последствия ее относительной недействительности.

Действия в своем интересе физического лица, обладающего статусом актора-функционера в области государственного, муниципального управления или наделенного иными властными административно-хозяйственными компетенциями, должны соотноситься с ограничениями, стеснениями и запретами, которые предписаны нормативными или корпоративными актами, устанавливающими подобное правовое положение. Игнорирование таким лицом этих обременений влечет за собой признание совершаемых действий (сделки) «нарушающими требование закона или иного правового акта»¹. Когда данные действия совершаются лицом, обладающим административно-властными полномочиями в сфере государственного или муниципального управления, то они приобретают характер общественно опасных, что неизбежно влечет нарушение интереса неопределенной группы лиц. Это означает, что действия физического лица ничтожны² с момента их совершения, никаких субъективных гражданских прав они не порождали, их последствия законом не признаются и не защищаются. Кроме того, если в действиях актора-функционера усматриваются признаки коррупционной деятельности, то к таким сделкам следует применять последствия, предусмотренные ст. 169 ГК РФ, и обращать имущество, полученное по сделке, в доход РФ. Обращение имущества (вещей), которым владеет (держит его) коррупционер, в доход государства – это не конфискация, поскольку никакого субъективного права на эти вещи у него изначально не возникало.

Скловский К. И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ (Понятие, виды и форма сделок. Недействительность сделок). М.: Статут, 2015. 173 с.; Тузов Д. О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007. 600 с.; Шестакова Н. Д. Недействительность сделок. СПб.: Юридический центр Пресс, 2020. 625 с.; Зегонов М. А. Виды недействительных сделок. Последствия недействительности сделки. М.: Ось-89, 2019. 466 с.

¹ См.: ст. 168 ГК РФ.

² См.: п. 2 ст. 168 ГК РФ.

Соответственно, он не может быть лишен права, которого у него никогда не было. Иное дело – лицо, передавшее мздоимцу вещи и обладавшее субъективным правом на него. Его субъективное право прекращается путем конфискации¹ в качестве дополнительного или основного наказания за совершенный деликт.

Возможна апроприация гражданско-правовых рестрикций в отношении лиц, наделенных административно-хозяйственными властными компетенциями за пределами государственного или муниципального управления и уличенных в коррупционной деятельности, повлекшей за собой нарушение интереса определенного частного лица либо группы известных лиц, находящихся в юридической связи с правонарушителем. В таких случаях применение гражданско-правовых механизмов устранения противоправных последствий коррупционных действий лица по приобретению и осуществлению вещных прав зависит от вида совершенного деликта. Когда он попадает под признаки преступления² или административного правонарушения³, т. е. общественно опасного деяния, следует применять те же механизмы, что и при совершении коррупционного правонарушения лицами, обладающими административно-властными полномочиями в сфере государственного или муниципального управления. В иных случаях⁴ заинтересованные лица обращаются в суд с требованиями о признании действий актора, принявшего имущество (вещи) в своем интересе как физическое лицо⁵, недействительными (оспорить сделку) в порядке, установленном ст. 174 ГК РФ, так как функционер-управленец не может не знать, что он действует против личного интереса соответствующего юридического лица.

Субъективное вещное право, возникающее и существующее исключительно в гражданском правоотношении, является разновидностью абсолютного имущественного права⁶. Его объектом

¹ См.: ст. 243 ГК РФ.

² Например, ст. 204 УК РФ.

³ См.: ст. 13.14 Кодекс об административных правонарушениях РФ.

⁴ Например, нарушение предписаний внутренних корпоративных норм.

⁵ И к выгоде иного частного лица.

⁶ Подроб. см.: Хатунцев О. А. Субъективные вещные права как разновидность абсолютных имущественных прав: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. М., 2015. 352 с.

выступают предметы материального мира, обладающие уникальными или индивидуальными признаками. Они должны быть реальными¹, наличными², обладать стоимостью, которую можно выразить в объективных экономических алгоритмах и посчитать в денежном эквиваленте. Все перечисленное доктрина гражданского права называет «характеристикой вещей»³. Прежде всего, это наиболее ценные объекты материального мира, обеспечивающие наиболее важные, сущностные потребности частного лица.

Вещные права подразделяются на две группы. Это:

1) право собственности на вещи. В случае, когда собственник осуществляет его самостоятельно, т. е. своей волей, непосредственно и в своем интересе;

2) права, производные от права собственности. Законодатель определяет их как «ограниченные вещные права». Частное лицо при наличии обстоятельств, предусмотренных законом (юридический состав), приобретает их как некую возможность осуществления субъективных прав независимо от воли собственника, что дает ему эвентуальность пользоваться и/или владеть объектом чужого права собственности в рамках (границах) и способами, установленными законом, и в случаях, обозначенных соответствующими нормами права, договором, в своем интересе. Это не значит, что они не могут

¹ Воспринимаемые чувственным аппаратом человека как существующие в действительности.

² Их можно представить по первому требованию как тела физического мира, а не посредством юридических, бухгалтерских, экономических или иных форм существования.

³ См.: Бабаев А. Б. Система вещных прав: монография. М.: Волтерс Клувер, 2007. 390 с.; Ахметьянова З. А. Вещное право: учеб. пособие. Казань, 2014. 76 с.; Гражданское право: в 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права: учебник для студентов вузов / И. А. Зенин И. А. Зенин, Е. В. Кулагина, Е. А. Суханов, А. Е. Шерстобитов; отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 1–193; Белов В. А. Гражданское право. В 2 т. Т. 2: Особенная часть: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2017. С. 15–106; Копылов А. В. Вещные права на землю в римском, русском дореволюционном и современном российском гражданском праве. М.: Статут, 2000. 255 с.; Афанасьев И. В. Вещное право: сервитут: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2019. 156 с.; Суханов Е. А. Понятие и виды ограниченных вещных прав // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2002. № 4. С. 34–35.

быть приобретены по воле собственника, который за пределами содержания того или иного ограниченного вещного права, предписанного законом, урегулирует систему отношений с контрагентом посредством заключения соответствующего договора.

Исчерпывающего перечня материальных объектов вещных прав в их материальном воплощении действующее гражданское законодательство не предписывает, указывая только на наиболее существенные блага¹. Сегодня, определяя видовые характеристики конструкций вещных прав, следует учитывать, что объект может быть представлен в виде:

а) объектов недвижимости²;

б) иного материального конструкта, о котором в норме российского законодательства сказано, что он относится к объектам вещного права;

в) любого вещного индивидуально-определенного объекта материального мира, который отвечает совокупности признаков:

– лица, фактически владеющего им (держит его);

– лица, обладающего возможностью за счет полезных свойств вещи удовлетворять свой интерес;

– субъекта, обладающего правом требовать от всех лиц не создавать ему своими действиями препятствий в осуществлении субъективных прав владения, пользования и распоряжения вещью;

– лица, которое вправе защищать право на вещь от посягательства третьих лиц своими действиями, в том числе применяя средства самозащиты;

– субъекта, который лишается возможности пользования вещью, когда она выходит из его фактического владения по юридическим основаниям, либо его возможности господства над вещью (ее держания) и пользования ограничиваются рамками нормативных требований.

К таким объектам относят право собственности и ограниченные вещные права на земельные участки³, на жилище¹, право хозяйст-

¹ С точки зрения законодателя.

² См.: ст. 130 ГК РФ.

³ См.: гл. 17 ГК РФ; нормы Земельного кодекса РФ; гл. 6.2 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

венного ведения и оперативного управления² имуществом. Значителен перечень нормативных актов, относящих те или иные материальные блага к объектам вещного права³. Договориться о возникновении вещного права, кроме случаев, предписанных законом, невозможно, поскольку современный догмат гражданского права говорит об ограниченном перечне правовых оснований начала субъективных вещных прав. Они перечислены и предписаны нормами различных законов, в том числе публично-частного (комплексного) права.

Важно подчеркнуть, что деятельность акторов-функционеров осуществляется, преимущественно, за пределами гражданских отношений: в области административно-управленческой, экономическо-финансовой деятельности. Пользуясь своим статусом, коррупционеры фланкируют совершаемые ими противоправные акты гражданско-правовыми формами, прикрываясь личиной физического лица, осуществляющего субъективное право. На деле их действия таковыми по своей юридической природе не являются, так как возникают и разрешаются чаще всего за пределами отношений, регулируемых нормами гражданского права. Поэтому вполне уместно для целей настоящего учебного пособия выйти за пределы гражданско-правовой доктрины в области определения перечня вещных прав и объектов отношений, возникающих по их поводу или будто по их поводу.

¹ См.: гл. 18 ГК РФ; раздел II Жилищного кодекса РФ; гл. 17.1 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: гл. 19 ГК РФ; Кряжевских К. П. Право оперативного управления и хозяйственного ведения государственным имуществом. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 25–166.

³ См.: О связи: федер. закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ (гл. 2) (в ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 28. Ст. 2895; Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: федер. закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ (гл. VIII) (в ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 26. Ст. 2519; Кодекс внутреннего водного транспорта РФ (гл. IV). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; и др.

Наука и практика полагают, что законодатель существенно сужает перечень оснований возникновения ограниченных вещных прав. Многочисленные исследователи указывают, что к таковым еще следует относить: разнообразные природные объекты; право безвозмездного срочного пользования; право постоянного землеуладения (эмфитевзис); право застройки (суперфиций); право самостоятельного распоряжения; аренду или ссуду вещей и доверительное управление ими; складское хранение; перевозку железнодорожным транспортом; право преимущественной покупки недвижимой вещи; право получателя ренты недвижимого имущества; право залога вещей; право удержания вещей; право личного пользования (узуфрукт); право вещной выдачи; право пользования природными объектами флоры и фауны и др.¹ Так, частное лицо, безвозмездно предоставив земельный участок, находящийся в его собственности, на определенный срок для отдыха руководителю налогового органа с целью заручиться его благосклонным расположением, обеспечивает последнему возможность пользоваться его природными благами (ловить рыбу, собирать плоды, устраивать пикник, приглашать гостей и т. п.) своей волей или отказаться от этого. То есть всегда присутствует элемент волевого использования благ, находящихся на земельном участке, или «привязанных» к нему, безотносительно к воле его собственника, поскольку иное не оговорено соглашением между ними. В таких отношениях явно просматриваются элементы правовой природы ограниченного вещного права. Несомненно, в поведении актора-функционера прослеживается коррупционная составляющая, прикрытая возникшими правомочиями пользования благами земельного участка физическим лицом, которые выражаются в присвоении в своем интересе находящихся на нем и производных от него природных объектов и иных благ.

¹ См.: Белов В. А. Очерки вещного права. Научно-полемические заметки: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2014. С. 115–275; Гражданское право: в 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права: учебник для студентов вузов / И. А. Зенин, Е. В. Кулагина, Е. А. Суханов, А. Е. Шерстобитов; отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 1–175; Ахметьянова З. А. Вещное право: учеб. пособие. Казань, 2014. С. 34–49; Шаблова Е. Г., Жевняк О. В. Гражданское право: учеб. пособие / под общ. ред. Е. Г. Шабловой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 83–84.

Наиболее существенные в ценовом, потребительском и общественном значении вещные права подлежат государственной, специальной регистрации либо учету¹. В гражданско-правовом смысле регистрация – это правовое средство стабилизации и укрепления субъективного права посредством его дополнительной привязки к личности правообладателя; в публично-правовом – это механизм государственного и общественного контроля за соблюдением лицом требований правового режима осуществления права либо его отдельных правомочий, а также реализация фискального государственного интереса. Сами процедуры государственной или специальной регистрации не являются гражданско-правовыми², но они тесно связаны с возможностями частных лиц осуществлять свои права в гражданских отношениях. С государственной регистрацией связано возникновение субъективного вещного права в тех случаях, когда это предусмотрено законом³. Специальная регистрация связана чаще всего с обеспечением соблюдения правового режима осуществления правомочий (владения, пользования, распоряжения) вещами. Учетная регистрация содержит информацию (реквизиты), характеризующую материальный объект, и воплощается в формах, предписанных нормами действующего законодательства. Кроме того, часто она увязывается со сроками существования (возникновения, изменения или прекращения) субъективного права или исполнения юридической обязанности.

Процедуры признания вещного права путем внесения соответствующих записей в государственный реестр прав (кадастровый учет) являются препятствием для реализации коррупционерами своих противоправных интересов. Поскольку физическое лицо, злоупотребляющее своим статусом актора-функционера, не вправе в предусмотренных законом случаях приобретать и осуществлять субъективные вещные права, то актуариус (государственный реги-

¹ См.: ст. 131 ГК РФ.

² Дискуссионная позиция. В широком понимании этой дефиниции: гражданских, жилищных, семейных и т. п., а также частно-публичных: банковских, страховых и иных подобной правовой природы.

³ См.: ст. 8.1 ГК РФ.

стратор) обязан отказать в государственной регистрации права¹. Все способы формальной фиксации существования вещного права являются важным источником получения информации² правоприменителем о законности и действительности актов физических лиц на момент приобретения субъективного права на материальные объекты, личность которых была обременена в тот период положением актора-функционера. В том числе на предмет наличия в их действиях коррупционной составляющей.

Одна из особенностей правовой природы материального объекта субъективного вещного права выражается в том, что все его полезные потребительские качества всегда следуют за ним. Поэтому физический владелец (держатель) вещи получает возможность беспрепятственного пользования ею, извлечения и присвоения в своем интересе соответствующих благ независимо от наличия или отсутствия юридических оснований для такого поведения. Например, в посессорное владение лиц, обладающих в силу закона статусными полномочиями, в том числе работников органов внутренних дел в силу исполнения должностных функций, попадают разнообразные вещи и в течение определенного времени удерживаются ими. При этом юридическая обязанность временного владения (по закону) возлага-

¹ См.: О государственной регистрации недвижимости: федер. закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (ст. 26–27) (в ред. от 28.06.2022) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344; Новиков К. А. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество: предпосылки, цели и главные приемы их достижения: монография. М.: Проспект, 2019. 96 с.

² См.: О государственной регистрации недвижимости: федер. закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (гл. 2, 6); Об утверждении Административного регламента Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче гражданину Российской Федерации разрешения на хранение и ношение охотничьего огнестрельного длинноствольного оружия, спортивного огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, охотничьего пневматического оружия или огнестрельного оружия ограниченного поражения и патронов к нему: приказ Федеральной службы войск национальной гвардии РФ от 26 июня 2018 г. № 221 (в ред. от 05.07.2019); Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по регистрации транспортных средств: приказ МВД РФ от 21 декабря 2019 г. № 950 (в ред. от 28.09.2020). URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.05.2022) и т. п.

ется на соответствующий государственный или муниципальный орган либо лицо¹, а фактическое держание осуществляется актором-функционером, исполняющим соответствующую обязанность и имеющим реальный физический доступ к такой вещи.

Нормы гражданского, гражданско-процессуального, административного, административно-процессуального, уголовно-процессуального, земельного, жилищного и иных отраслей (в том числе комплексных) российского права содержат огромное количество разнообразных оснований возникновения обязанностей полномочных лиц, обладающих процессуальными или управленческими компетенциями, временно владеть и/или пользоваться чужим имуществом в силу возникновения тех или иных юридических фактов. Это неизбежно влечет за собой возникновение положения, при котором полномочный актор-функционер получает фактическую возможность держать вещь (владеть ею) и незаконно присваивать ее полезные свойства для удовлетворения собственных потребностей или интереса иных частных лиц против установленного правопорядка. Злоупотребления в этой области совсем не редки, и акты функционера, держащего вещи и пользующегося ими в своем интересе, надлежит относить к разновидности коррупционной деятельности.

Важной проблемой анализа этих отношений «держания» и законности пользования является определение пределов функционального поведения актора, которое следует отнести к правомерному, и действительности интереса частного лица, в пользу которого действует функционер, что, по сути, уже является противоправным. Несомненно, что общие границы такой компульсивности устанавливаются нормами частного права (в широком смысле), прежде всего, принципами осуществления гражданских прав. Пределы функционального поведения актора предписываются нормами различных отраслей права: преимущественно частно-публичного, в значительной степени – частного. В этом смысле большое значение имеет

¹ Которые несут юридическую ответственность за последствия (в том числе вредоносные) такого владения.

немалая база подзаконных нормативных актов, детализирующих пределы функциональных обязанностей компетентных акторов¹.

В качестве актуального примера подобного рода можно привести положение, когда функционеру, особенно лицу, обладающему высоким уровнем управленческой компетенции, в связи с исполнением им должностных обязанностей предоставляются определенные имущественные преференции для удовлетворения частного интереса (его и его близких) путем передачи ему правомочия владения и/или пользования жилыми помещениями, транспортными средствами, земельными участками, объектами, предназначенными для организации отдыха и оздоровления, и иными благами. И здесь неизбежно возникает проблема определения пределов реализации владельческих и пользовательских возможностей удовлетворения частного интереса и установления круга лиц, имеющих на это право.

Частное законодательство устанавливает общие границы возможностей осуществления вещных прав указанными физическими лицами², скорее, как исключение, а не как правило. Нормы частно-публичного законодательства, устанавливающего статусное функциональное положение субъекта правовой деятельности, могут конкретизировать рамки таких возможностей³, но и их относительно немного. Понятно, что эту проблему можно было бы решить путем издания правомочным органом (вплоть до приказа руководителя низового управленческого органа) специального регламента, устанавливающего пределы возможностей актора-функционера владеть и/или пользоваться переданными ему вещами в своем интересе

¹ Например, приказ МВД России от 31 декабря 2009 г. № 1025 «Об утверждении Инструкции о порядке хранения вещей, явившихся орудиями совершения или предметами административного правонарушения, и документов, имеющих значение доказательств по делу об административном правонарушении» (в ред. приказа МВД России от 14 сентября 2020 г. № 644) // Российская газета. 10 марта 2010 г. № 48.

² Например, гл. 9 Жилищного кодекса РФ.

³ См.: О полиции: федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ст. 44) (в ред. от 28.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900; О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ (ст. 9) (в ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (ч. I). Ст. 4595.

для удовлетворения собственных потребностей, а также источники и объемы финансирования, выделяемого на эти цели, в том числе амортизацию транслитерированных вещей.

При отсутствии правил и иных специализированных нормативных источников, регулирующих публичные статусы субъектов правовой деятельности, разделять правомерное осуществление вещного права физическим лицом в связи с исполнением им обязанностей актора-функционера и его же действия, попадающие под признаки коррупционных, следует, исходя из нормативных требований, в пределах и порядке, установленных гл. 1 и 2 разд. I ч. I ГК РФ¹, а также соответствующей нормативной базой публичного права.

Необходимо иметь в виду, что теоретические, статистические и практические наработки в области антигосударственной и антиобщественной коррупционной деятельности, учитывая объемность и комплексность этой темы, требуют глубокого изучения, в том числе с применением методов исследования науки и практики гражданского и иных отраслей российского права.

Отметим, что абсолютность вещного права предполагает взаимность требований его обладателя и неопределенного круга третьих лиц не создавать друг другу встречных препятствий в осуществлении права². Поэтому каузация вещного права в своем интересе физическим лицом, которое обладает властной компетенцией актора-функционера, действует при этом неправомерно или безнравственно, тем самым препятствуя иным лицам осуществлять их субъективное право, должна рассматриваться как коррупционное поведение, влекущее за собой юридическую ответственность соответствующего вида. Таковым, например, можно называть: физическое ограждение береговой полосы³, препятствующее свободному доступу граждан к водному объекту, в целях создания пляжа индивидуального пользования; или перекрытие волей собственника земельного участка (физическим лицом), параллельно обладающего

¹ См.: Волков А. В. Теория концепции «злоупотребление гражданскими правами». Волгоград: Станица-2, 2007. 352 с.

² См.: Юридические препятствия в реализации и защите прав и законных интересов: сб. науч. тр. / сост.: В. Ю. Панченко, А. А. Петров. Красноярск: Центр информации, 2015. 342 с.

³ См.: ст. 6 Водного кодекса РФ.

властными управленческими полномочиями муниципального чиновника, автомобильной дороги общего пользования и подобное поведение актора-функционера.

Кроме того, к разновидности действий, содержащих в себе коррупционную составляющую, следует относить акты физического лица, обремененного управленческой должностной компетенцией, по незаконному устранению препятствий, мешающих ему в осуществлении вещных прав в том объеме, на который он претендует собственным произволом. Так, субъект гражданского права, вместо того чтобы обратиться в суд с негаторным или прогибиторным¹ иском к правонарушителю об устранении препятствия в пользовании недвижимой вещью, опираясь на обладание властной компетенцией актора-функционера, устраняет такие препятствия самовольно. Например: вселяется в жилое помещение, принадлежащее ему на праве собственности, которое неосновательно занято проживающими в нем третьими лицами; сносит строение, незаконно возведенное соседом на границах его земельного участка, и т. п.²

Аналогично сказанному выше необходимо считать противоправными и коррупционными акты управленцев и иных лиц, наделенных властной компетенцией и действующих против должностных интересов, которые, опираясь на функциональные возможности актора, создают преимущества в приобретении и осуществлении вещного права в собственную пользу или пользу третьих лиц, реализуя свой интерес. Значительная часть должностных лиц в системе распределения федеральных или муниципальных благ обладает тем или иным уровнем возможностей принятия соответствующих решений. Не секрет, что в этой области социально-экономических отношений существует огромное количество злоупотреблений со стороны акторов-функционеров различного уровня. Они связаны с неосновательным предоставлением вещного блага себе, своим родным, близким или иным заинтересованным частным лицам, правом на которое в данный момент те не обладают, как того требует процедура и иные нормативные предписания. Сюда же можно добавить незаконный

¹ Иск о запрете создавать препятствия к владению и пользованию вещью в будущем.

² См.: Подшивалов Т. П. Негаторный иск: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Саратов, 2011. 22 с.

отказ лицам, имеющим право на недвижимые вещи¹, владельческие или пользовательские услуги², либо лишение их субъективного права на соответствующие материальные блага, которым эти лица правомерно обладали. При условии, что в подобного рода противоправном поведении актора-функционера содержатся признаки коррупционной деятельности, сформулированные законодателем.

Доктрина частного права утверждает, что одним из характерных признаков вещного права является «право следования»³, когда правовые преференции и обременения при переходе вещного права от одного лица к другому следуют за материальным объектом субъективного права, если иное не установлено законом или не оговорено соглашением сторон. Аналогичное правило действует не только при переходе права собственности на недвижимость или ограниченного вещного права на нее. Это правовое состояние возможно в некоторых обязательственных отношениях: договорах аренды, найма жилого помещения, ссуды, предоставления гостиничных услуг, пользования домами отдыха, кемпингами и т. п. Иными словами, в случаях, когда должник по воле кредитора получает во владение и пользование недвижимость для удовлетворения своего интереса.

Напомним, что такая система обязательственных отношений предполагает наличие элементов отношений вещного права, т. е. за пределами требований закона и условий договора арендатор или ссудополучатель приобретает возможности реализовать своей волей и собственным произволом социальные, экономические и юридические ресурсы, блага, «следующие» за недвижимой вещью, и в своем интересе и/или интересе других частных лиц. Кроме того, часто именно подобными видами «соглашений» прикрываются действительные коррупционные мотивы акторов-функционеров, злоупотребляющих полученными властными компетенциями в своем интересе

¹ Например, предоставление муниципального жилья, выделение земельного участка для строительства и т. п.

² Например, предоставление места для ребенка в детском саду, направление нуждающегося на бесплатное лечение в стационар и т. п.

³ См.: Райхер В. К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву // Ведомости экономического факультета Ленинградского политехнического института. 1928. Т. 1 (XXV). С. 273–306.

физического лица или третьих частных лиц в целях получения выгоды и вопреки интересам государства и общества. Результатами такого рода «договорных» отношений являются устранение последствий их ничтожности и наступление юридической ответственности, предусмотренной законодательством о коррупции.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие гражданско-правовые механизмы противодействия коррупции могут быть рассмотрены в нормах вещного права?
2. Поясните, в чем заключается социально-психологический подход к определению вещного права в рамках отношений, направленных на противодействие коррупции?
3. Перечислите, какие субъективные права имеют собственник и иные лица, обладающие ограниченными правами на вещь?
4. Назовите, какие коррупционные действия могут быть совершены правообладателем вещи?
5. Перечислите основания прекращения вещных прав при возникновении коррупционных признаков в действиях лица, обладающего правомочиями на вещь?

§ 3. Гражданско-правовые механизмы противодействия коррупции в нормах обязательственного права

Гражданское законодательство, несмотря на его преимущественно диспозитивный характер, предусматривает ряд ограничений, исполнение которых является обязательным для тех, кому адресованы данные запреты. Так, ограничение гражданских прав субъектов гражданского права может быть осуществлено на основании федерального закона в целях защиты «основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» (абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ). В рамках учебного пособия следует обращать внимание на такие ограничения гражданских прав, которые направлены на повышение эффективности противодействия коррупции, обеспечение национальной безопасности и «здоровое» развитие экономики.

Одним из гражданско-правовых механизмов противодействия коррупции являются положения, закрепленные в гражданском законодательстве, требующие строгого исполнения субъектами гражданского права при вступлении ими в договорные обязательства. К подобным правовым средствам предупредительного характера законодатель относит: запрещение или ограничение дарения между определенными категориями лиц; запреты по открытию счетов и вкладов, принадлежащих государственным служащим и членам их семей; заключение договора доверительного управления имуществом, когда в силу занимаемой должности гражданин не вправе обладать непосредственно ценными бумагами из-за конфликта интересов, что влечет необходимость передачи их в доверительное управление; строгое соблюдение правил при заключении контрактов в сфере закупок товаров, работ и услуг для удовлетворения государственных и муниципальных потребностей.

Имеющиеся запреты направлены на то, чтобы отдельные участники общественных отношений, наделенные государственно-властными полномочиями, использовали государственные (муниципальные) финансовые ресурсы непосредственно в интересах общества и государства, не извлекая при этом имущественной выгоды для себя. Рассмотрим каждый из них.

Гражданское законодательство, а именно положения подп. 2–4 п. 1 ст. 575 ГК РФ, устанавливает перечень лиц, в отношении которых предусмотрены запреты по передаче имущества в дар, если его стоимость составляет более трех тысяч рублей. Условно таких лиц можно разделить на три группы. К первой группе допустимо отнести работников следующих организаций: образовательных; медицинских; оказывающих социальные услуги; для детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

На лиц, относящихся к первой группе, запрет дарения налагается в тех случаях, когда дар передается определенной категорией граждан, а именно теми, кто находится на лечении, содержании, воспитании или обучении в соответствующих организациях, или от их супругов или родственников. Исходя из буквального толкования подп. 2 п. 1 ст. 575 ГК РФ, перечень лиц, от которых закон запрещает работникам перечисленных организаций получать подарок стоимостью более трех тысяч рублей, является исчерпывающим, а значит, позволяет иным категориям граждан быть вовлеченными в такого рода договорные отношения.

Имеющиеся в законе условия запрета дарения видятся не совсем удачными, поскольку наводят на ряд вопросов, ответы на которые не могут быть получены на законодательном уровне, что, в свою очередь, позволяет говорить о пробеле в законодательстве. Так, закон не устанавливает допускаемого количественного критерия для актов дарения, совершаемых в отношении рассматриваемой категории лиц, от граждан, находящихся в перечисленных выше организациях, их супругов и родственников. Следовательно, получать дар стоимостью до трех тысяч рублей можно неоднократно, что при сложении составит значительную сумму, в несколько раз превышающую установленный законом лимит дарения. Представляется целесообразным в качестве антикоррупционной меры предусмотреть в подп. 2 п. 1 ст. 575 ГК РФ условия об однократности дарения подарка допускаемой стоимости между одними и теми же лицами, перечисленными в этой статье.

Установленный законодателем круг лиц, от которых запрещается получать дар стоимостью, не превышающей трех тысяч рублей, следует признать дискуссионным. Спорность позиции, выраженной в норме права, заключается в том, что дарителями могут быть и иные

лица, заинтересованность которых не меньше, чем у родственников и супругов, по отношению к гражданам, находящимся в образовательных, медицинских, социальных и других организациях, указанных в подп. 2 п. 1 ст. 575 ГК РФ. На законодательном уровне определены категории лиц, которые не относятся к родственникам или супругам, но при этом наделяются имущественными и личными неимущественными правами и обязанностями по отношению друг к другу, что, в свою очередь, подчеркивает особый род возникающих между ними отношений, сходных с семейно-родственными. Например, семейное законодательство (в том числе ст. 29, 30 ГК РФ) относит к таким лицам опекунов (попечителей) и их подопечных, приемных родителей и детей, находящихся у них на воспитании, фактических воспитателей и их несовершеннолетних воспитанников, отчимов (мачех) и их пасынков (падчериц). Правовое положение обозначенных лиц установлено ст. 96, 97, 146, 152 СК РФ¹.

Практика показывает, что нередко случаи, когда отношения между мужчиной и женщиной не оформлены брачным союзом, но их совместное сожительство исчисляется не одним годом. Несмотря на то что в повседневной жизни фактическое сожительство между мужчиной и женщиной явление распространенное, на законодательном уровне сожители не включены в перечень лиц, от которых запрещено получать подарки стоимостью свыше трех тысяч рублей. Подобный подход законодателя приводит к разделению, казалось бы, общей группы лиц на две категории, предоставляя преимущество одним перед другими. Для устранения имеющегося недостатка и соблюдения принципа равенства участников гражданских правоотношений требуется расширить круг лиц, от которых недопустимо получать подарки работникам организаций, указанных в подп. 2 п. 1 ст. 575 ГК РФ. К таковым следует отнести не только законных представителей малолетних и недееспособных граждан, согласно подп. 1 п. 1 ст. 575 ГК РФ, но законных представителей несовершеннолетних и лиц, ограниченных в дееспособности и находящихся в соответствующих организациях, а также усыновителей, отчимов, мачех, пасынков, падчериц, фактических воспитателей и их воспи-

¹ См.: Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

танников. Кроме того, необходимо внести оговорку, запрещающую лицам, которые имеют заинтересованность в жизни граждан (например, друзья, сожители), находящихся в организациях, перечисленных в подп. 2 п. 1 ст. 575 ГК РФ, совершать дарение.

Подобного рода замечания цивилистов относительно несовершенства гражданского законодательства в области рассматриваемых отношений присутствовали и ранее. Так, по мнению М. Г. Масевича, имеющийся запрет, предусмотренный в подп. 2 п. 1 ст. 575 ГК РФ, «легко обойти, если вручение подарка будет поручено друзьям указанных выше граждан или путем неоднократного вручения „обычного подарка“»¹.

Ко второй группе граждан, по отношению к которым законодатель установил запрет дарения, относятся:

- лица, замещающие государственные должности Российской Федерации;
- лица, замещающие государственные должности субъектов Российской Федерации;
- лица, замещающие муниципальные должности;
- государственные и муниципальные служащие;
- служащие Банка России.

Несмотря на отсутствие в законе конкретного перечня лиц, которые не могут дарить подарки стоимостью более трех тысяч рублей перечисленным выше субъектам, представляется, что принимать подарки они не могут от лиц, находящихся от них в служебной зависимости. Вместе с тем следует отметить, что имеющиеся в законе ограничения не распространяются на тот случай, когда государственные служащие имеют право получать подарки как участники гражданско-правовых отношений при условии, что они не связаны с дарителем выполнением служебных обязанностей. Это могут быть подарки на дни рождения, праздники и по иным поводам от лиц, которые не находятся с одаряемым в контрольно-подчинительных отношениях.

Запрет на получение государственными служащими подарка стоимостью более трех тысяч рублей регламентирован не только

¹ Цит. по: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. 4-е изд., стер. М.: Статут, 2002. С. 362.

ранее упомянутой ст. 575 ГК РФ, но и положениями п. 6 ст. 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»¹, устанавливающей ограничение и на получение иного вознаграждения помимо подарков. К нему закон относит денежное вознаграждение, ссуды, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов и иных разновидностей вознаграждения, которые бы могли увеличить или улучшить имущественное положение государственных (муниципальных) служащих. Следует отметить, что указанный закон, в отличие от гражданского законодательства, предусматривает абсолютный запрет на получение гражданами служащими вознаграждения от физических и юридических лиц в связи с исполнением ими служебных обязанностей. Имеющиеся противоречия в законах позволяют говорить о существовании правовой коллизии, требующей устранения.

Вместе с тем гражданское законодательство, как и упомянутый выше закон, а также положения п. 3 постановления Правительства РФ от 9 января 2014 г. № 10² предусматривают исключения из правил, а именно когда при прохождении гражданской службы разрешено получать подарки стоимостью, превышающей три тысячи рублей, полученные в связи с исполнением гражданами служебных обязанностей. К последним закон относит такие служебные обязанности, которые могут возникнуть при проведении протокольных мероприятий, нахождении в служебной командировке, а также при иных официальных мероприятиях.

Понятие подарка, полученного при проведении протокольных мероприятий, нахождении государственного служащего в служебной командировке и на иных официальных мероприятиях, разъясняется в положениях п. 2 постановления Правительства РФ от 9 января

¹ См.: О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 30.12.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: О порядке сообщения отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупа) и зачисления средств, вырученных от его реализации: постановление Правительства РФ от 9 января 2014 г. № 10 (ред. от 12.10.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2014 г. № 10. Под ним понимается любой подарок, который был получен лицами, замещающими государственную (муниципальную) должность, служащими или работниками от физических или юридических лиц, осуществивших дарение в рамках должностного положения одаряемых или исполнения ими служебных или должностных обязанностей. К числу подарков не следует относить канцелярские принадлежности, выдаваемые указанным лицам при проведении официальных мероприятий, а также врученные им цветы и ценные подарки в качестве поощрения за участие в подобных мероприятиях.

Лица, замещающие государственную или муниципальную должность, обязаны, независимо от стоимости подарка, даже если она не превышает трех тысяч рублей, передать его на хранение лицу, ответственному за это в структурном подразделении, в котором они проходят службу. Остальные лица, в отношении которых распространяется запрет на получение подарков, стоимость которых превышает три тысячи рублей, обязаны уведомлять о каждом факте такого дарения. Уведомление о получении подарка направляется в структурное подразделение государственного или муниципального органа, фонда или иную организацию, в которой одаряемый проходит государственную (муниципальную) службу или осуществляет трудовую деятельность, с приложением документов (если они имеются), определяющих его стоимость. В качестве данных документов может быть кассовый или товарный чек, а также иной документ, подтверждающий оплату подарка. Срок подачи уведомления не должен превышать трех рабочих дней с момента получения подарка, а если это была служебная командировка, то в течение указанного срока, но с момента возвращения из командировки. В случае когда подача уведомления о получении подарка была невозможна в установленные сроки по независящим от одаряемого причинам, уведомление должно быть подано не позднее дня, следующего после устранения существовавших препятствий.

Подарки, стоимость которых составляет более трех тысяч рублей, о чем есть подтверждающий документ, или когда их стоимость невозможно определить по причине отсутствия соответствующих документов, определяющих стоимость, должны быть переданы на хранение по акту приема-передачи ответственному лицу структурного подраз-

деления, в котором проходит службу одаряемый. Данные действия должны быть совершены одаряемым не позднее пяти рабочих дней с момента регистрации факта дарения в журнале учета получения подарков на официальных мероприятиях.

Для определения стоимости подарков, не имеющих подтверждающих документов о цене, положения п. 10 постановления Правительства РФ от 9 января 2014 г. № 10 предусматривают следующие правила: применяется рыночная стоимость, действующая на дату принятия подарка к учету, а если указанный способ определения цены применить невозможно, то используется цена, которая может взиматься за аналогичную материальную ценность; при необходимости цена подарка может быть определена с помощью проведения оценочной экспертизы. В случае установления цены подарка, оказавшейся ниже трех тысяч рублей, он возвращается обратно лицу, сдавшему его на основании акта приема-передачи.

Имущество, полученное в дар гражданскими служащими в результате их участия в официальных мероприятиях, передается в собственность Российской Федерации. Такое имущество включается в реестр федерального имущества или имущества субъекта Российской Федерации.

Закон позволяет лицу, замещающему государственную или муниципальную должность, служащему или работнику, сдавшему подарок стоимостью больше трех тысяч рублей уполномоченному на то лицу, выкупить его. Для реализации данного права указанным гражданам необходимо направить на имя представителя нанимателя (работодателя) заявление о намерении таких действий. Срок его подачи не должен превышать двух месяцев с момента сдачи подарка соответствующему для этого органу. Средства, полученные в результате выкупа подарка, зачисляются в государственный или муниципальный бюджет.

Подарки, которые не были выкуплены одаряемым, могут использоваться для обеспечения деятельности государственного или муниципального органа, фонда или иной организации. В целях определения целесообразности такого использования должна быть созвана комиссия, которая даст заключение о его дальнейшем применении. Подобное заключение может быть выдано и коллегиальным органом. Если же последующее использование подарка нецелесообразно,

то возможно его отчуждение посредством проведения торгов согласно порядку, предусмотренному законодательством РФ. Деньги, вырученные от продажи подарка, перечисляются в доход государственного или муниципального бюджета.

Когда подарок, выставленный на торги, в установленные сроки не выкуплен или не реализован, проводятся повторные торги, а в случае невозможности его дальнейшего отчуждения на торгах может быть передан безвозмездно благотворительной организации с постановкой его на баланс. При невозможности совершения указанных действий подарок подлежит уничтожению согласно положениям, предусмотренным законодательством РФ.

Рассмотрев запреты и послабления при дарении лицам, перечисленным в подп. 3 п. 1 ст. 575 ГК РФ, следует отметить, что несмотря на имеющееся законодательное разночтение в урегулировании таких отношений, в российской цивилистической науке сформировалось мнение, с которым нельзя не согласиться: «...недопустимо считать правомерным поощрение любыми подарками (даже незначительной стоимости) должностных лиц в связи с осуществлением ими своих должностных обязанностей при оказании государственной услуги – вне зависимости от того, осуществлены ли они в соответствии с законом или с нарушением закона»¹.

Третью группу лиц, в отношении которых предусмотрен запрет на заключение договора дарения, где стоимость дара превышает три тысячи рублей, составляют коммерческие организации. Согласно закону запрет распространяется исключительно на договор дарения, не позволяющий одной коммерческой организации увеличить свое имущественное положение за счет уменьшения имущества другой коммерческой организации. Как справедливо заметил А. Л. Маковский, имеющееся ограничение обусловлено тем, что «исходя из того, что безвозмездные имущественные отношения между организациями, само осуществление которых порождено целью извлечения прибыли,

¹ Решняк М. Г., Слепко Г. Е., Стражевич Ю. Н. Место и роль гражданско-правовых механизмов в системе мер противодействия коррупции // Безопасность бизнеса. 2016. № 2. С. 47–54. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

как правило, ненормальны и могут использоваться в ущерб интересам их кредиторов и государства»¹. Именно поэтому существующий запрет дарения между коммерческими организациями следует рассматривать как одну из мер противодействия коррупции, предупреждающих совершение притворных сделок. Как и в случае с участниками взаимоотношений по договору дарения, которые определены подп. 2 п. 1 ст. 575 ГК РФ, закон не учитывает частоту заключения таких договоров, если стоимость дара не превышает трех тысяч рублей.

В антикоррупционных целях отдельным категориям граждан закон запрещает вступать в некоторые гражданско-правовые отношения. Так, ст. 7.1 Федерального закона «О противодействии коррупции» предусмотрен перечень лиц, на которых распространяется запрет на совершение действий по открытию счета (вклада) и владению им, хранению наличных денежных средств и ценностей в иностранных банках, расположенных за пределами Российской Федерации, а также пользованию иностранными финансовыми инструментами. К ним относятся:

– лица, замещающие (занимающие) должности: государственного уровня и субъектов РФ (предусмотрен сводный перечень государственных должностей РФ² и перечень типовых государственных должностей субъектов РФ³, на которые распространяется запрет положений ст. 7.1 Федерального закона «О противодействии коррупции»); первого заместителя и заместителя Генеральной прокуратуры РФ; членов совета директоров центрального банка РФ; относящиеся к федеральной государственной службе, назначаемые на них и освобождаемые от них Президентом РФ, Правительством РФ или Генеральным прокурором РФ; заместителей руководителей феде-

¹ Цит. по: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. С. 364.

² См.: О государственных должностях Российской Федерации: указ Президента РФ от 11 января 1995 г. № 32 (ред. от 29.10.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: О типовых государственных должностях субъектов Российской Федерации: указ Президента РФ от 4 декабря 2009 г. № 1381 (ред. от 05.10.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ральных органов исполнительной власти; в государственных корпорациях (компаниях), публично-правовых компаниях, фондах и иных организациях, созданных РФ на основании федеральных законов, назначаемые на них и освобождаемые от них Президентом РФ или Правительством РФ; глав городских и муниципальных округов, глав муниципальных районов и иных муниципальных образований, исполняющих полномочия глав местных администраций, а также глав местных администраций; федеральной государственной службы, государственной гражданской службы субъектов РФ; в Центральном банке РФ, государственных корпорациях (компаниях), публично-правовых компаниях, фондах и иных организациях, созданных РФ на основании федеральных законов; установленные на основании трудового договора в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами, осуществление полномочий по которым предусматривает участие в подготовке решений, затрагивающих вопросы суверенитета и национальной безопасности РФ, включенные в перечни, установленные соответственно нормативными правовыми актами федеральных государственных органов, субъектов РФ, нормативными актами Центрального банка РФ; государственных корпораций (компаний), публично-правовых компаний, фондов и иных организаций, созданных РФ на основании федеральных законов;

– депутаты представительных органов муниципальных районов, муниципальных округов и городских округов, а также депутаты, замещающие должности в представительных органах муниципальных районов, муниципальных округов и городских округов;

– супруги и несовершеннолетние дети лиц, относящихся к государственным служащим.

Ограничения, содержащиеся в ст. 7.1 Федерального закона «О противодействии коррупции» и ст. 2 Федерального закона «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами»

от 7 мая 2013 г. № 79¹, можно условно разделить на две группы. К первой группе относятся запреты для государственных служащих на открытие счета (вклада) и владение им по территориальному признаку, когда иностранный банк находится за пределами РФ. Ко второй – запреты на извлечение активов из иностранных финансовых инструментов, под которыми следует понимать иностранные ценные бумаги, доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах иностранных организаций, заключение договоров с участием иностранного контрагента, цифровые финансовые активы и цифровая валюта, выпущенная в соответствии с иностранным правом.

Согласно п. 4 ст. 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» гражданскому служащему при прохождении им государственной службы недопустимо приобретать в случаях, установленных федеральным законом, ценные бумаги, по которым может быть получен доход. Запрет на приобретение ценных бумаг распространяется не на все виды, предусмотренные российским законодательством, а только на некоторые из них. К таким относятся иностранные ценные бумаги, которым в соответствии с международным стандартом присвоен международный идентификационный код ценной бумаги, позволяющий отличить их от российских ценных бумаг. Российские ISIN-коды ценных бумаг, состоящие из двенадцати символов, начинаются латинскими буквами RU.

Еще одним ограничением правоспособности государственных служащих для предотвращения действий коррупционной направленности является запрет на приобретение ценных бумаг российских компаний и последующее владение ими, когда такое владение приводит или может привести к конфликту интересов. Личная выгода от инвестиций влияет на принятие правильных решений в рамках служебных полномочий. Подобное происходит тогда, когда цен-

¹ См.: О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами: федер. закон от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ные бумаги выпущены той организацией, в отношении которой государственные служащие могут осуществлять отдельные функции государственного управления.

Под конфликтом интересов следует понимать ситуацию, при которой возникает личная заинтересованность, проявляющаяся в прямом или косвенном выражении лица, занимающего должность, функциональные обязанности которой предусматривают предотвращение и урегулирование конфликта интересов, влияющая на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им своих должностных (служебных) обязанностей (п. 1 ст. 10 Федерального закона «О противодействии коррупции»). Государственные служащие, владеющие ценными бумагами, которые могут привести к конфликту интересов, обязаны в целях предотвращения коррупционных действий передать такие ценные бумаги в доверительное управление по правилам, предусмотренным положениями гл. 53 ГК РФ, при этом предварительно известив в письменной форме представителя нанимателя и непосредственного руководителя.

Ограничения по поводу владения ценными бумагами, которые могут вызывать конфликт интересов, распространяются также на супругов и несовершеннолетних детей государственного служащего. Нередки случаи, когда указанные лица владеют ценными бумагами организации, в которой их родственник осуществляет некоторые функции государственного управления. Такого рода отношения не исключают возникновения конфликта интересов, поэтому для его устранения государственному служащему следует проинформировать в письменной форме представителя нанимателя и непосредственного руководителя о данном факте и порекомендовать родственникам передать ценные бумаги в доверительное управление или заключить один из договоров, влекущих прекращение права собственности на них.

Обладание счетами (вкладами), наличными денежными средствами и ценностями, находящимися в иностранных банках, у государственного служащего может возникнуть в результате наследственных отношений, когда указанные объекты входят в состав наследственной массы. В таких случаях закон обязывает наследников такого имущества совершить действия по закрытию счетов (вкладов), прекратить хранение денежных средств и ценностей в ино-

странных банках. Указанные действия должны быть совершены в течение шести месяцев со дня принятия наследства (п. 4 ст. 3 Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 79).

Несмотря на имеющиеся ограничения по обороту ценных бумаг государственными служащими, антикоррупционное законодательство не предусматривает ограничений по открытию индивидуального инвестиционного счета. Под ним понимается счет внутреннего учета, предназначенный для обособленного учета денежных средств, драгоценных металлов, ценных бумаг клиента, являющегося физическим лицом, а также обязательств по договорам, заключенным за счет клиента-физического лица (ст. 10.2-1 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»¹). Открывается и ведется этот счет брокером или управляющим на основании отдельного договора на брокерское обслуживание в соответствии с правилами, установленными указанным законом и нормативными актами Банка России. При заключении государственными служащими договоров на ведение индивидуального инвестиционного счета с упомянутыми выше профессиональными участниками рынка ценных бумаг необходимо не только соблюдать установленные законом правила, но и существенные условия такого договора, предусматривающие недопустимость приобретения ими таких ценных бумаг, которые могли быть отнесены к иностранным финансовым инструментам и приводили бы к возникновению конфликтов интересов. Включение данного условия в договор позволит соблюсти правила антикоррупционного законодательства в области рассматриваемых отношений, распространяющегося на государственных служащих. В тех случаях, когда указанная мера является неэффективной, государственным служащим следует принять добровольное решение об отчуждении принадлежащих им акций.

Запрет открывать и иметь счета (вклады) в банках, расположенных на территории иностранных государств, не распространяется на лиц, замещающих или занимающих государственные должности РФ и должности федеральной государственной службы в связи с их нахождением за рубежом для осуществления служебных функций в офи-

¹ См.: О рынке ценных бумаг: федер. закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (ред. от 14.07.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

циальных представительствах РФ, федеральных органах исполнительной власти, государственных корпорациях, публично-правовых компаниях и в организациях, созданных для обеспечения деятельности федеральных государственных органов. Данный запрет не распространяется и на членов семьи указанных лиц – супругов и несовершеннолетних детей.

Субъектами гражданско-правовых отношений, наряду с физическими и юридическими лицами, могут быть и публично-правовые образования, к которым согласно п. 1 ст. 124 ГК РФ относятся Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования. Одним из видов их деятельности в рамках гражданско-правовых отношений, является заключение различного рода договоров, направленных на удовлетворение государственных и муниципальных нужд. При вовлечении этих субъектов в договорные отношения предусматриваются особые правила и порядок заключения государственных или муниципальных контрактов, поскольку их предназначение ориентировано на удовлетворение социальных нужд.

Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹ (далее – Федеральный закон № 44), основанным на положениях Конституции РФ, ГК РФ, Бюджетном кодексе РФ² и иных федеральных законах, регулируются отношения по заключению государственных и муниципальных контрактов. При заключении такого рода договоров нередко случаи совершения преступных деяний коррупционной направленности. Согласно данным Генеральной прокуратуры РФ в 2021 г. было выявлено и пресечено свыше 12 тыс. преступлений, совершенных должностными лицами, деяния которых квалифицируются в соответствии с гл. 30 УК РФ

¹ См.: О контрактной системе в сфере закупок, товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 16.04.2022). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² См.: Бюджетный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ст. 72) (ред. от 16.04.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

«Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления»¹.

Федеральный закон № 44 предназначен не только для обеспечения повышения эффективности и результативности осуществления договоров по закупке товаров, работ, услуг, но и для предотвращения коррупции и иных злоупотреблений в сфере таких отношений. Оплата поставки товаров, выполнения работ и иных публичных нужд производится за счет средств государственного или муниципального бюджета, расходование которых должно осуществляться разумно и рационально.

Для достижения названных целей необходимо руководствоваться следующими принципами: открытости, прозрачности, обеспечения конкуренции, профессионализма заказчика, стимулирования инноваций, единства контрактной системы, ответственности за результативность обеспечения государственных (муниципальных) нужд.

Предметом государственных (муниципальных) контрактов является поставка товаров, выполнение различной сложности работ или оказание услуг, приобретение недвижимого имущества или аренда имущества (подп. 8.1 п. 8 ст. 3 Федерального закона № 44). Помимо приведенного перечня нужд, по поводу которых может быть заключен государственный (муниципальный) контракт, в ГК РФ в качестве поименованных договоров указываются договоры на поставку товаров для государственных или муниципальных нужд и подрядные работы для государственных или муниципальных нужд, в том числе выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ.

При заключении такого рода договоров в целях предотвращения действий коррупционной направленности недопустим конфликт интересов, проявляющийся в личной заинтересованности государственного (муниципального) служащего, с тем лицом, с которым планируется заключить государственный (муниципальный) контракт. Несмотря на принцип свободы договора, в качестве контрагента не могут быть привлечены близкие родственники или свойственники государственного (муниципального) служащего или иные лица,

¹ См.: Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 года. URL: <http://crimestat.ru/analytics/> (дата обращения: 10.05.2022).

которые находятся в прямой или косвенной зависимости от него, поскольку участие этих лиц не позволит принять объективное решение по определению поставщика (подрядчика, исполнителя) при осуществлении государственных (муниципальных) закупок. Кроме того, при заключении договоров, целью которых является удовлетворение публичных интересов, необходимо учитывать правила эффективного и рационального расходования бюджетных средств. Для их соблюдения гражданское законодательство в качестве мер антикоррупционной направленности предусматривает особую процедуру заключения договоров, в которых участвуют государственные или муниципальные заказчики (ст. 527–529 ГК РФ).

Поставка товара для государственных (муниципальных) нужд осуществляется на основании государственного (муниципального) контракта, которому предшествует обязательное размещение в установленном законом порядке¹ соответствующего заказа (п. 1 ст. 527 ГК РФ). Указанные правила применяются и при заключении договора подряда для государственных (муниципальных) нужд, что отражено в ст. 765 ГК РФ. Выбор способа размещения заказа определяется заказчиком в каждом конкретном случае в соответствии с предписаниями закона. Как одну из мер противодействия коррупционным действиям в закупочной деятельности следует рассматривать использование электронных торговых площадок, о чем свидетельствуют положения ст. 48–51 Федерального закона № 44.

Для государственных (муниципальных) контрактов действует правило, согласно которому после размещения заказа последующее его заключение для заказчика является обязательным, если нет на то отступлений, предусмотренных законом. При этом обязанность поставщика (исполнителя, подрядчика) заключить договор на поступившее предложение от заказчика должна быть соблюдена лишь

¹ См.: О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 16.04.2022); О государственном оборонном заказе: федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ (ст. 9) (ред. от 25.02.2022); О поставках продукции для федеральных государственных нужд: федер. закон от 13 декабря 1994 г. № 60-ФЗ (ст. 3) (ред. от 13.07.2015); О закупках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд: федер. закон от 2 декабря 1994 г. № 53-ФЗ (ст. 4) (ред. от 19.07.2011). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тогда, когда это установлено законом, при условии возмещения заказчиком ему всех убытков, вызванных заключением такого договора в обязательном порядке. Так, при отказе поставщика на предложение заключить договор на поставку материальных ценностей для пополнения или обновления государственного резерва государственный заказчик и его территориальные органы вправе обратиться в арбитражный суд для понуждения его к заключению такого договора¹. Или когда в отношении федеральных казенных предприятий Правительство РФ вводит режим обязательного заключения государственных контрактов для поставщиков по поставке продукции для удовлетворения государственных нужд².

Принцип свободы договора при выборе сторон для заключения государственного (муниципального) контракта ограничен правилами ст. 24 Федерального закона № 44, согласно которым в качестве контрагента может выступать не любой субъект гражданского права, а только тот, который отвечает установленным законом признакам. Критерии определения контрагента при заключении государственного (муниципального) контракта могут быть рассмотрены в качестве антикоррупционных мер. Закон предусматривает способы определения поставщика (исполнителя, подрядчика) по отношению к государственному (муниципальному) заказчику. Ими могут быть:

- победители открытых и закрытых конкурсов или аукционов;
- победители в проведении запроса котировок цен, предложившие самую низкую цену на товар, работу или услугу, интересующие государственного (муниципального) заказчика. Следует отметить, что если указанные лица намеренно занизили цены, для того чтобы стать победителями, и при этом заключение государственного (муниципального) контракта для них является обязательным, то они лишаются права требовать возмещения всех убытков, которые возникли в результате обязательного заключения такого контракта

¹ См.: О государственном материальном резерве: федер. закон от 29 декабря 1994 г. № 79-ФЗ (ст. 9) (ред. от 27.12.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: О поставках продукции для федеральных государственных нужд: федер. закон от 13 декабря 1994 г. № 60-ФЗ (ст. 3) (ред. от 13.07.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

(п. 4 ст. 527 ГК РФ). Закрепленное в гражданском законодательстве правило может быть расценено как мера предотвращения коррупционного поведения в рамках рассматриваемых отношений;

– единственный поставщик (исполнитель, подрядчик), определяемый указом или распоряжением Президента РФ либо постановлением или распоряжением Правительства РФ.

Порядок заключения государственного (муниципального) контракта носит общее правило, применяемое ко всем гражданско-правовым договорам: направление оферентом предложения (оферты) акцептанту, который после его рассмотрения направляет оференту ответ (акцепт). Так, разработанный государственным (муниципальным) заказчиком (оферентом) проект контракта (оферта) направляется акцептанту (поставщику, исполнителю, подрядчику), ответ на который дается им не позднее тридцати дней с момента получения проекта контракта. Содержание ответа на поступившее предложение заключить договор может иметь несколько вариантов, а именно:

– оферта принята акцептантом без оговорок и подписанный экземпляр государственного (муниципального) контракта направляется оференту;

– не согласен с условиями оферты и направляет оференту протокол разногласий вместе с подписанным государственным (муниципальным) контрактом. Гражданское законодательство обязывает оферента при стечении таких обстоятельств в течение тридцати дней с момента получения данной информации рассмотреть поступившие ему разногласия и о принятом решении известить акцептанта: о принятии государственного (муниципального) контракта в той редакции, в которой он ее получил от акцептанта; об отклонении протокола разногласий. В том случае, когда заключение государственного (муниципального) контракта является обязательным для одной из сторон, однако протокол разногласий был отклонен или на него не был получен ответ в установленный срок, разрешение сложившейся ситуации осуществляется в судебном порядке, но не позднее тридцати дней с момента ее начала;

– акцептант уведомляет оферента об отказе заключать государственный (муниципальный) контракт.

Заключение государственного (муниципального) контракта по результатам торгов на размещение заказа для публичных нужд должно быть произведено не позднее двадцати дней со дня указанного мероприятия.

Договор для государственных (муниципальных) нужд считается заключенным с момента достижения соглашения по всем его основным условиям, к которым согласно постановлению Правительства РФ «О реализации Федерального закона „О поставках продукции для федеральных государственных нужд“»¹ относятся:

- признаки, характеризующие предмет государственного контракта, его количество и ассортимент;
- цена, которая бы была приемлема для контрагентов по договору;
- срок исполнения;
- содержание договора;
- ответственность сторон.

Процесс заключения государственного (муниципального) контракта на поставку товаров и выполнение работ регулируется установленными законом правилами. Рассмотрим их.

Поставщик (исполнитель) по государственному (муниципальному) контракту в соответствии со ст. 526 ГК РФ может быть связан обязательствами по передаче товара не только с непосредственным заказчиком, но и иным лицом, определенным заказчиком, в частности получателем, уполномоченным на принятие исполнения со стороны поставщика (исполнителя). Вовлечение указанного лица в договорные отношения по поставке товара для государственных (муниципальных) нужд не освобождает заказчика от оплаты поставленного товара, несмотря на то что фактическая передача товара осуществляется не ему.

Государственный (муниципальный) контракт не исключает исполнения поставки товара не только заказчику или уполномоченному на получение товара получателю, но и третьему лицу – покупателю, указанному таковым государственным (муниципальным) заказчиком. После подписания подобного контракта и определения в нем покупа-

¹ См.: О реализации Федерального закона «О поставках продукции для федеральных государственных нужд»: постановление Правительства РФ от 26 июня 1995 г. № 594 (ред. от 14.04.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

теля государственный (муниципальный) заказчик обязан не позднее тридцати дней оповестить покупателя и поставщика (исполнителя) о данном факте. Извещение о прикреплении покупателя к поставщику является основанием для заключения договора поставки товара для государственных (муниципальных) нужд. В этом проявляется специфика заключения подобного договора, отличающаяся от заключения договора поставки товара, не связанного с удовлетворением публичных потребностей.

После того как поставщик (исполнитель) был проинформирован заказчиком о прикреплении конкретного покупателя по договору поставки товаров для государственных (муниципальных) нужд, гражданское законодательство предусматривает заключение между поставщиком (исполнителем) и покупателем договора поставки товаров для государственных (муниципальных) нужд (п. 1 ст. 529 ГК РФ). Для поставщика заключение указанного договора является обязательным, поскольку в основе данных правоотношений лежит государственный (муниципальный) контракт и поставщик (исполнитель) является обязанной стороной перед государственным (муниципальным) заказчиком в осуществлении таких действий. Кроме того, положения п. 5 ст. 529 ГК РФ наделяют покупателя правом обратиться в суд для понуждения поставщика (исполнителя) к заключению договора поставки на условиях, определенных в проекте договора, разработанного покупателем, если им не исполняется обязанность по заключению договора.

По общему правилу на поставщика (исполнителя) возлагается обязанность по разработке проекта договора поставки для государственных (муниципальных) нужд, который направляется покупателю не позднее тридцати дней с момента получения им извещения от государственного (муниципального) заказчика о прикреплении к нему соответствующего покупателя. Положения п. 2 ст. 529 ГК РФ носят диспозитивный характер и позволяют отступить от указанного правила. Подготовка проекта договора поставки может возлагаться и на покупателя, что изначально предусматривается в государственном (муниципальном) контракте либо осуществляется по инициативе покупателя.

Последующий порядок заключения договора поставки для государственных (муниципальных) нужд соответствует общеустановленным правилам для заключения гражданско-правового договора,

предусматривающим временные рамки для направления оференту акцепта акцептантом. Так, согласно п. 3 ст. 529 ГК РФ сторона, получившая проект договора поставки (это может быть поставщик или покупатель, все зависит от того, кто направил проект договора поставки), обязана в течение тридцати дней с момента получения рассмотреть его и дать по нему один из следующих ответов:

- ответ может быть безоговорочным в виде подписания одного экземпляра такого проекта договора;

- ответ может содержать несогласия по тем или иным условиям договора, оформленные в виде протокола разногласий. Полученный протокол разногласий подлежит рассмотрению в течение тридцати дней. О принятом решении сторона, получившая протокол разногласий, извещает другую сторону. Сторона, получившая протокол разногласий, вправе согласиться с содержанием поступившего документа или высказать свое несогласие в отношении имеющихся в нем условий. При неурегулированности разногласий, возникших на данном этапе заключения договора, законодатель позволяет сторонам разрешить спор в судебном порядке. Для этого заинтересованная сторона должна обратиться в суд для разрешения возникшей проблемы не позднее тридцати дней со дня получения протокола разногласий.

Гражданское законодательство предусматривает разные правила для поставщика (исполнителя) и покупателя при их отказе заключить договор поставки для государственных (муниципальных) нужд. Так, поскольку на поставщика (исполнителя) возлагается безоговорочная обязанность заключить подобного рода договор, то при его отказе произвести указанные действия покупатель вправе обратиться в суд для понуждения к ним на условиях, предусмотренных разработанным покупателем проектом договора. В свою очередь, покупатель не лишен возможности выбора по поводу заключения или отказа заключить договор поставки для государственных (муниципальных) нужд. В том случае, когда покупатель отказался от заключения договора поставки, поставщик (исполнитель) незамедлительно оповещает о данном факте государственно (муниципального) заказчика, который по требованию поставщика (исполнителя) прикрепляет к нему другого покупателя, а при невозможности осуществить это принимает товар сам с последующей его оплатой. Установлен-

ные правила не позволяют вовлечь в рассматриваемые отношения посторонних лиц, что еще раз подчеркивает особый порядок заключения такого рода договоров.

Порядок расчета по договору поставки для государственных (муниципальных) нужд предусмотрен положениями ст. 532 ГК РФ, согласно которым оплата товара производится покупателем исходя из цены, определенной государственным (муниципальным) контрактом. Однако закон позволяет установить и иной порядок определения цен и расчетов, закрепленный в содержании государственного (муниципального) контракта. В качестве способа обеспечения интересов поставщика (исполнителя) по оплате товара покупателем государственный (муниципальный) заказчик выступает в роли поручителя этих отношений, становясь гарантом исполнения договора в этой части.

Оплата товара государственным (муниципальным) заказчиком может быть не осуществлена исключительно по основаниям, предусмотренным законом. Так, согласно ст. 5 ФЗ «О поставках продукции для федеральных нужд» заказчик вправе отказаться от оплаты товара полностью или частично, если продукция не отвечает требованиям, предусмотренным законодательством об определении качества продукции, или когда качество продукции не соответствует требованиям, установленным непосредственно в государственном (муниципальном) контракте. В том случае, когда такой отказ повлечет за собой расторжение или изменение договора поставки для государственных (муниципальных) нужд, в результате чего у покупателя возникли убытки, на государственного (муниципального) заказчика возлагается обязанность их возместить (ст. 534 ГК РФ).

Государственные (муниципальные) нужды удовлетворяются не только с помощью государственного (муниципального) контракта по поставке товара, но и с помощью договоров, предметом которых является выполнение различных работ. Контракты по выполнению подрядных работ для государственных (муниципальных) нужд направлены на развитие инвестиционной деятельности, что напрямую влияет на рост экономики государства. В результате заключения подобного договора подрядчик становится обязанным выполнить для государственного (муниципального) заказчика строительные, проектные и иные работы, сопряженные со строительством

и ремонтом производственных и непроизводственных объектов. Основания и порядок заключения таких договоров, как отмечено ранее, определяются по аналогии правилами, предъявляемыми к государственным (муниципальным) контрактам по поставке товара (ст. 765 ГК РФ). Несмотря на имеющееся сходство между правовым регулированием указанных договоров, договор подряда для государственных (муниципальных) нужд имеет свои характерные признаки.

Содержание государственного (муниципального) контракта по выполнению подрядных работ должен включать следующие положения (ст. 766 ГК РФ):

- условия об объеме выполняемой подрядчиком работы;
- сроки начала и окончания подрядных работ;
- стоимость подлежащей выполнению работы;
- способы обеспечения исполнения обязательств сторон;
- размер и порядок финансирования и оплаты выполненной работы.

Государственный (муниципальный) заказчик обязан произвести оплату выполненных подрядчиком работ или обеспечить ее оплату по цене, определенной государственным (муниципальным) контрактом. Однако в случае, когда соответствующие государственные (муниципальные) органы в силу объективных причин уменьшают финансирование для оплаты подрядных работ, требуется согласовать не только новые сроки для выполнения работы, но и иные условия, если это стало необходимо в сложившейся ситуации (ст. 767 ГК РФ). Убытки, полученные подрядчиком в результате изменения сроков по государственному (муниципальному) контракту, возмещаются государственным (муниципальным) заказчиком.

Как одну из мер противодействия коррупции гражданско-правовой направленности следует рассматривать гражданскую ответственность, применяемую к тем, кто нарушает нормы гражданского законодательства в рамках договорных отношений и в результате совершения деликта. Согласно положениям ст. 8 Конвенции¹ при заключении любого гражданско-правового контракта внутренним

¹ См.: Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (ETS № 174) [рус., англ.] (заключена в г. Страсбурге 4 ноября 1999 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

законодательством каждого из контрагентов такого контракта должно быть предусмотрено, что в случае совершения акта коррупции в рамках подобных отношений следует признавать его в судебном порядке недействительным и, как следствие, не обладающим юридической силой. При этом не исключается право потерпевшей стороны на предъявление требований о возмещении вреда, возникшего в результате данных договорных отношений.

Гражданско-правовая ответственность может наступать как самостоятельный вид юридической ответственности, так и совместно с иными видами юридической ответственности. Подтверждением тому служат положения, содержащиеся в ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О противодействии коррупции», согласно которым гражданин, независимо от гражданской принадлежности к Российской Федерации, привлекается за противоправные действия коррупционной направленности не только к уголовной, административной, дисциплинарной, но и к гражданско-правовой ответственности, применяемой вне зависимости от привлечения такого гражданина к иным перечисленным видам юридической ответственности. Совершение противоправных действий (бездействий) в области гражданско-правовых отношений, имеющих коррупционную окраску, влечет за собой применение к правонарушителю мер государственного принуждения имущественного характера в виде возмещения потерпевшему убытков, взыскания неустойки, процентов за пользование чужими денежными средствами, компенсации морального вреда или возмещения вреда, причиненного деловой репутации юридического лица.

В гражданском законодательстве предусмотрен ряд статей, которые могут быть рассмотрены как способы борьбы с коррупционными правонарушениями. Так, в результате незаконных действий (бездействий) со стороны государственных или муниципальных органов и их должностных лиц закон предусматривает возмещение убытков, возникших у граждан или юридических лиц, как следствие такого поведения (ст. 16 ГК РФ). Гражданско-правовая ответственность возникает и в том случае, когда указанные ранее лица причинили вред физическим или юридическим лицам в результате издания закона или иного правового акта, не соответствующего акту государственного органа или органа местного самоуправления

(ст. 1069 ГК РФ). Причинение вреда возможно и в результате незаконных действий со стороны представителей правоохранительных органов: органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. Неправомерность их действий может выражаться в виде незаконного осуждения, незаконного применения мер пресечения (заключения под стражу или подписки о невыезде), незаконного привлечения к административной ответственности (административного ареста или приостановления деятельности юридического лица) (ст. 1070 ГК РФ).

Вред, причиненный неправомерными действиями государственных или муниципальных органов и их должностных лиц, возникший в результате коррупционных последствий, возмещается в полном объеме по правилам ст. 1064 ГК РФ. Вместе с тем следует отметить, что у рассматриваемых отношений имеется некоторая особенность, а именно – возмещение вреда потерпевшей стороне осуществляет не сам деликвент, а уполномоченные на то законом органы и лица, выступающие от имени казны Российской Федерации или казны субъекта Российской Федерации, или казны муниципального образования. В последующем лица, возместившие вред, причиненный работниками при исполнении ими трудовых или служебных обязанностей, вправе предъявить к последним регрессные требования, размер которых составляет сумму, выплаченную потерпевшим (п. 1 ст. 1081 ГК РФ).

Вопросы для самоконтроля

1. Какие гражданско-правовые механизмы противодействия коррупции, предусмотренные гражданским законодательством, могут быть отнесены к таковым в договорных правоотношениях?
2. Поясните, какие основания в соответствии с Гражданским кодексом РФ предусматривают запрет дарения?
3. Перечислите основания, когда при прохождении гражданской службы разрешено получать подарки стоимостью, превышающей три тысячи рублей?
4. Каким категориям граждан запрещено открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами Российской Федерации?

5. Перечислите основания, при которых государственным (муниципальным) служащим гражданское законодательство устанавливает ограничения по владению и пользованию ценными бумагами?

6. Раскройте порядок заключения государственных (муниципальных) контрактов при поставке товаров, выполнении работ?

7. Назовите основания наступления гражданско-правовой ответственности, возникающей в отношении государственных (муниципальных) служащих?

Рекомендуемая литература

1. Алексеева, Л. А. Проблемы противодействия коррупции в государственных органах: история, реальность и перспективы : учеб. пособие / Л. А. Алексеева, О. В. Беляева, А. И. Шепарнева. – Орел : ОрЮИ МВД России, 2018. – 61 с.
2. Беляева, О. А. Правовые механизмы противодействия коррупции в сфере корпоративных закупок : науч.-практ. пособие / О. А. Беляева, Ю. В. Трунцевский, А. М. Цирин ; отв. ред. И. И. Кучеров. – Москва : ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. – 158 с. – ISBN 978-5-6043246-1-5.
3. Епифанов, А. Е. Правовой режим противодействия коррупции : учеб. пособие / А. Е. Епифанов, А. Л. Симон, Н. Д. Эриашвили. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2021. – 279 с. – ISBN 978-5-238-03419-5.
4. Кучеров, И. И. Утрата доверия по законодательству Российской Федерации : науч.-практ. пособие / И. И. Кучеров, В. В. Матвеев, С. Н. Матулис [и др.] ; отв. ред. И. И. Кучеров. – Москва : Инфотропик Медиа, 2022. – 184 с. – ISBN 978-5-9998-0401-3.
5. Малкина, В. И. Конфликт интересов в юридических лицах : монография / В. И. Малкина ; под ред. О. А. Беляевой. – Москва : Юстицинформ, 2022. 196 с. – ISBN 978-5-7205-1837-0.
6. Подчерняев, А. Н. Противодействие коррупции в органах внутренних дел и формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел : учеб. пособие / А. Н. Подчерняев, К. В. Вишневецкий, О. Н. Мигушенко [и др.]. – Орел : ОрЮИ МВД России, 2022. – 178 с.
7. Цепелев, В. Ф. Организация противодействия коррупции : учеб. пособие / В. Ф. Цепелев, Н. Э. Мартыненко, Я. Г. Ищук [и др.] ; под общ. науч. рук. В. Ф. Цепелева. – Москва : Акад. упр. МВД России, 2020. – 100 с. – ISBN 978-5-907187-27-6.
8. Юрковский, А. В. Правовые основы противодействия коррупции : учеб. пособие / А. В. Юрковский, К. Н. Евдокимов, В. М. Деревскова. – Иркутск : Иркут. юрид. ин-т (филиал) Акад. Ген. прокур. РФ, 2018. – 243 с.

Учебное издание

*Батурина Наталья Игоревна
Репникова Юлия Валерьевна
Федосеев Петр Сергеевич
Филиппов Петр Мартынович*

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Учебное пособие

Редактор *А. М. Мачнева*
Компьютерная верстка *Н. А. Доненко*
Дизайн обложки *А. Н. Улизко*

При дизайне обложки использовались материалы сайта:
http://музеймаринеско.рф/wp-content/uploads/2020/05/otkritka-s-dnem-rossii.orig_.jpg

Волгоградская академия МВД России.
400075, Волгоград, ул. Историческая, 130.

Редакционно-издательский отдел.
400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.

Подписано в печать 27.02.2023. Формат 60х84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 4,7.
Тираж 50 экз. Заказ 4.

ОПиОП РИО ВА МВД России. 400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.